

СТУДІЯ

ЖУРНАЛЪ

ИСКУССТВА И СЦЕНЫ

МОСКВА, 11 ФЕВРАЛЯ 1912 Г.

№ 19

ЦѢНА 25 К.

Театръ К. НЕЗЛОБИНА.

Телеф. 71-61.
(ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ).

РЕПЕРТУАРЪ:

Въ Понедѣльникъ, 13-го февраля: Псиша.

Во Вторникъ, 14-го февраля: Псиша.

Въ Среду, 15-го февраля: Псиша.

Въ Четвергъ, 16-го февраля: Псиша.

Въ Пятницу, 17-го февраля: Въ Золотомъ Домѣ.

Въ Субботу, 18-го февраля: Псиша.

Въ Воскресенье, 19-го февраля, УТРОМЪ: Бумъ и Юла.
ВЕЧЕРОМЪ: Псиша.

ПОДРОБНОСТИ ВЪ АФИШАХЪ.

Билеты продаются въ кассѣ театра отъ 10 ч. утра до 8 ч. вечера.

Пом. Директора П. Мамонтовъ.

„ТЕАТРЪ МИНИАТЮРЪ“

Тверская ул., Мамоновскій пер., домъ Шаблыкина.

Дирекція М. АРЦЫБУШЕВОЙ.

ВЪ ВЕЧЕРЪ ТРИ СПЕКТАКЛЯ.

Начало 1-го представленія въ 7¹/₂ час. вечера, 2-го — въ 9 час. вечера и 3-го — въ 10¹/₂ час. вечера.
Окончаніе около 12 час. ночи. Каждый спектакль состоитъ изъ 3-хъ самостоятельныхъ музыкально-драматическихъ и балетныхъ пьесъ.

ЦѢНЫ МѢСТАМЪ отъ 1 р. 50 к. до 40 к. Билеты продаются съ 11 час. утра въ кассѣ театра.

ТЕЛЕФОНЪ 311-58.

ТЕЛЕФОНЪ 311-58.

12-го ФЕВРАЛЯ ЗАКРЫВАЕТСЯ

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВЕСЕННЯЯ ВЫСТАВКА

(ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ).

ПЕТРОВКА, САЛТЫКОВСКІЙ ПЕР., Д. № 8 ГАЛЛЕЯ ЛЕМЕРСЬЕ. ТЕЛЕФОНЪ 189-37.

ВХОДЪ 50 К. УЧАЩІЕСЯ 25 К. ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 10 Ч. ДО 5 Ч.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1912 годъ

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ съ художественными приложеніями

„Вѣстникъ Фотографіи“

(V г. изданія).

Изданіе Русскаго Фотографическаго Общества въ Москвѣ, посвященное вопросамъ художественной, научной и любительской фотографіи. Изданіемъ руководитъ коллегіальная редакція изъ членовъ О-ва съ ответственнымъ редакторомъ инженеромъ А. М. Донде во главѣ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой на годъ 4 руб., на ¹/₂ года 2 руб., на ¹/₄ года 1 руб. За границу 5 руб. Отдѣльные №№ по 50 коп. Пробный номеръ высылается за 4 семикоп. марки по требованію. Подписныя деньги адресуются въ Русск. Фотогр. О-во въ Москвѣ, Кузнечій мостъ, Пассажъ Джамгаровыхъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1912 годъ

на еженедѣльный литературный журналъ

„Съ Чужихъ Полей“.

Журналъ ставитъ своей цѣлью слѣдить за всѣми новостями иностранной литературы и давать на своихъ страницахъ въ образцовыхъ переводахъ все, достойное вниманія, немедленно по выходѣ за границей. Въ журналѣ печатаются повѣсти иностранныхъ писателей, рассказы, драматическія произведенія, стихотворенія, критическія статьи по иностранной литературѣ, литературная хроника, иллюстраціи и пр. Журналъ выходитъ еженедѣльно тетрадями большого формата по 16—20 стран. Подписная цѣна съ пересылкой въ Россіи: на годъ 2 р. 50 к., на полгода 1 р. 50 к. Адресъ редакціи и конторы: Москва, Борниковъ пер., д. 4, кв. 2.

СТУДІЯ

№ 19.

11-го Февраля.

1912 г.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) Грибоѣдовъ и 1812 годъ, статья Ал. Ник. Вознесенскаго; 2) „Милые, шѣжные“, статья Ф. Мускатблitzъ; 3) 10-е февраля (памяти В. Ѳ. Коммисаржевской), статья Ѳ. Коммисаржевскаго; 4) Юбилей Заньковецкой, отзывъ Макс-Ли; 5) Сумерки мысли, статья К. и О. Ковальскихъ; 6) Еще о новомъ уставѣ Импер. Театр. Общества, статья М. Мандельштама; 7) Петербургскія письма, Л. Василевскаго; 8) Концертная недѣля, Риземана; 9) 6-й народный концертъ, отзывъ М. Б.; 10) Французская выставка за 100 лѣтъ, статья Н. И. Романова; 11) Всероссийскій съѣздъ художниковъ (окончаніе), статья В. Воинова; 12) Фелисьенъ Ропсъ, статья К. и О. Ковальскихъ; 13) „Съ капустника“, фельетонъ В. Ермилова; 14) Вороньи перья изъ Павлинъго хвоста, Гуинплэна; 15) Хроника; 16) Провинція; 17) Наши приложенія: Картины Ф. Ропса, „Мать сатировъ“, „Счастье—въ преступленіи“. „Месть женщины“. Портретъ Ф. Ропса. Портреты симфоническ. и оперн. дирижеровъ: С. Кусевицкаго, С. Рахманинова, В. Сафонова, Э. Купера, Э. Направника, В. Сука. Офелія—г-жа Гзовская, Гамлетъ—г-нъ Качаловъ. Каррик.: К. Редера, Ф. Штрауса и О. Фрида.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ и 1812 ГОДЪ.

(Справка).

1912. годъ является исключительнымъ для русской драматической литературы.

Вдохновенные столѣтнимъ юбилеемъ отечественной войны, въ тиши кабинетовъ, русскіе драматурги пишутъ на конкурсъ и просто „вне конкурса“ патріотическія пьесы, посвященныя 1812 году.

Современные „кукольники“ вдохновляются на тему „рука всевышняго отечество спасла“, извлекая изъ архивовъ историческіе документы и мемуары.

И невольно приходитъ на мысль: какъ же смотрѣли современные 1812 году русскіе поэты и драматурги на событія того времени, какъ воплощали они въ художественныхъ образахъ картины минувшаго.

Обращаясь къ прошлому, мы, прежде всего, остановимся передъ фигурой наиболѣе яркой для драматической литературы того времени,—передъ фигурой поэта, трагическій образъ котораго такъ дорогъ всѣмъ намъ и о планахъ котораго написать драму, посвященную 1812 году, намъ извѣстно. На-дняхъ исполнилась 83-я годовщина со дня смерти великаго автора „Горе отъ ума“ А. С. Грибоѣдова.

Великій поэтъ, какъ „однолюбъ“ и „однотумъ“, написавшій въ своей жизни, подобно Данте и Сервантесу, только одно крупное произведение, лелѣялъ мысль написать драму, посвященную событіямъ 1812 года.

Что остановило поэта—совершенно неизвѣстно. Есть основанія предполагать, что причиною отказа отъ работы были суровыя условія современной цензуры, благодаря которой и „Горе отъ ума“ при жизни автора не увидѣло свѣта ramпы.

Въ письмѣ къ Гречу А. С. Грибоѣдовъ рассказываетъ о своемъ настроеніи, подѣ влияніемъ цензурныхъ стѣсненій: „Я пріѣхалъ отъ Фока (изъ 3-го отдѣленія), то съ помощью негодованія своего и Одоевскаго изорвалъ въ клочки не только эту статью, но даже всякій писанный листокъ моей руки, который подѣ рукой случился“.

Другъ Рылѣва, Бестужева и др. декабристовъ, другъ предсѣдателя политическаго кружка „Зеленая лампа“ Ни-

киты Всеволожскаго, А. С. Грибоѣдовъ до конца оставался вѣренъ демократической идеѣ.

Черезвычайно любопытенъ, сохранившійся и дошедшій до насъ, разработанный планъ пьесы.

Самое характерное въ этомъ планѣ работы, это отрицательное отношеніе къ дворянству того времени, растерявшемуся подѣ напоромъ врага, и любовь къ народу и идеализація того сѣраго мужика, который велъ безпощадную борьбу съ „нашествіемъ иноплемениковъ“.

Въ написанной въ 1817 году комедіи „Студентъ“ большой баринъ и меценатъ Звѣздинъ даетъ такой приказъ въ деревню: „Да отправитъ старосту изъ жениной деревни, наказать крѣпко, чтобы Фомка плотникъ не отлынивалъ отъ оброку и внесъ бы 25 р. непременно, 25 р. до копѣйки! Какое мнѣ дѣло, что у него сыгъ въ рекруты отданъ, то рекрутъ для царя, а оброкъ для господина“...

Вотъ кто спасъ родину, по мысли поэта. Тотъ рекрутъ, съ отца котораго тянулъ 25 рублей меценатъ, который...

— „На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ оторванныхъ дѣтей...

Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ...“

Центральной фигурой, задуманной А. С. Грибоѣдовымъ драмы, является нѣкій М., крѣпостной. Приводимъ цѣликомъ, дошедшій до насъ планъ намѣченной пьесы*).

1812 годъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Красная площадь.

Исторія начала войны, взятіе Смоленска. Народныя черты, пріѣздъ государя, обозъ раненыхъ, рассказъ о битвѣ бородинской. М. съ перваго стиха до послѣдняго на сценѣ. Очертаніе его характера.

Соборъ Архангельскій.

Трубный гласъ Архангела; на его призывы возникаютъ тѣни давно усопшихъ исполиновъ: Святослава,

*) Академическое изд. А. С. Грибоѣдова.

„ГАМЛЕТЪ“ ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ТЕАТРѢ.

Гамлетъ—г-нъ Качаловъ.

Фот. К. Фишеръ.

Владимира Мономаха, Иоанна, Петра и пр., изъ разныхъ стихій сложенные и съ познаніемъ всего, отъ начала вѣка до днесь, какъ будто во всѣхъ дѣлахъ послѣ ихъ смерти были участниками, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезла у нихъ память о томъ, что было съ ними за предѣлами сей жизни, и гдѣ были и откуда вновъ призваны къ бытію. Пророчествуютъ о годинѣ искупленія для Россіи, если не для современниковъ, то сіи, повѣствуя сынамъ, возбуждаютъ въ нихъ огонь неугасимый, рвеніе къ славѣ и свободѣ отечества. Хоръ безплотныхъ провожаетъ ихъ и живописнымъ строемъ представляетъ ихъ отшествіе изъ храма; своды разступаются; герои поднимаются выспрь и исчезаютъ.

Теремъ царей въ Кремлѣ.

Наполеонъ съ сподвижниками. Картина взятія Москвы. Н. одинъ; высокія воспоминанія. Открываетъ окно, лунная ночь. Видѣніе или нѣтъ, какъ случится. Размышленіе о юномъ, первообразномъ семъ народѣ, объ особенностяхъ его одежды, зданій, вѣры, нравовъ. Самъ себѣ преданный, — чтобы онъ могъ про-извести?

О Т Д Ѣ Л Е Н І Е II.

Галерея въ домѣ Познякова.

Входитъ офицеръ Р., изъ приближенныхъ къ Наполеону, исполненный жизни, славы и блестящихъ надеждъ. Одинъ посѣдлый воинъ съ горькимъ предчувствіемъ опытности остерегаетъ насчетъ будущихъ бѣдствій. Ему не вѣрятъ; хохотъ; изъ театра несутся звуки пляски и отголоски веселыхъ пѣсенъ. Между тѣмъ, зарево обни-

маетъ временно окна галереи; болѣе и болѣе утрашающій вѣтеръ. Объ опустошеніяхъ огня. Улицы, пылающіе дома. Ночь. Сцены звѣрскаго распутства, святотатства и всѣхъ пороковъ. Р. и М. въ разныхъ случаяхъ.

Село подъ Москвой.

Сельская картина. Является М. Всеобщее ополченіе, безъ дворянъ. (Трусость служителей правительства, — выставлена или нѣтъ, какъ случится).

О Т Д Ѣ Л Е Н І Е III.

Зимнія сцены преслѣдованія непріятеля и ужасныхъ смертей. Истязаніе Р. и посѣдлаго война. Сей юноша показываетъ примѣръ, и оба умираютъ героями. Подвиги М. Множество другихъ сценъ.

Э П И Л О Г Ѣ.

Вильна.

Отличія, искательства; вся поэзія великихъ подвиговъ исчезаетъ. М. въ пренебреженіи у военачальниковъ. Отпускается во свояси съ отеческими наставленіями покорности и послушанію.

Село или развалины Москвы.

Прежнія мерзости. М. возвращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду. Отчаяніе, самоубійство.

Широко и съ размахомъ была задумана драма. И не было въ ней фальшивыхъ нотъ заказаннаго ликованія, а горечь, скорбь и печаль.

Побѣдитель иноземнаго поработителя оставался дома побѣжденнымъ рабомъ, обреченнымъ на всѣ ужасы крѣпостной неволи и униженія. Такъ смотрѣлъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ на современныя ему событія того времени. И проведенная нами маленькая справка, быть можетъ, дастъ иное, болѣе правильное, теченіе мыслей творящимъ юбилейные драматическіе кантаты отечественнымъ „кукольнымъ“.

Ал. Ник. Вознесенскій.

МИЛЫЕ, НѢЖНЫЕ...

Сейчасъ, когда я пишу это—сумерки.

Широкимъ шатромъ раскинулась сѣрая туча, — тяжелая, свинцовая.

Вдали, въ узкую, затканную сизымъ пологомъ разсѣлину льется матовый пурпуръ заката.

Крыши пухло устланы, отсвѣчивающимъ лиловыми тонами, снѣгомъ и изъ трубъ выются сѣровато-черные дымки, ткнутъ причудливые образы и таютъ.

Ни пышныхъ красокъ. Ни яркихъ звуковъ. Тихо. И сердце сладостно щемитъ. И душѣ уютно больно.

Левитановскія сумерки...

Исаакъ Ильичъ былъ Чеховымъ кисти.

Чеховъ — Левитаномъ пера.

И, если присоединить къ нимъ Чайковского, то получится кристаллъ, художественная, литературная и му-

зыкальная грани котораго найбільше полно отразить, я сказалъ бы, *das ewig Slawische*.

То, что такъ обаятельно свѣтится „среди долины ровныя“.

И что Тютчевъ, этотъ незаслуженно-забытый поэтъ-философъ, тонко назвалъ „возвышенной стыдливостью страданья“.

Мнѣ скажутъ:

— Въ Исаакъ Ильичъ запечатлѣлась вѣковая скорбь его племени!

Да, но она дружески протянула руку славянской грусти и слезы ихъ такъ смѣшались, что послѣ ужъ нельзя было распознать, гдѣ начинаются однѣ и кончаются другія, и кто въ Левитанѣ, какъ ребенокъ, любовался вечерней службой въ деревенской церковкѣ—иудей или христіанинъ.

Мнѣ кажется, что если бы въ одинъ прекрасный день оказалось возможнымъ переменить функции слухового и зрительнаго нервовъ такъ, чтобы можно было услышать пейзажъ Левитана, то это была бы IV симфонія Чайковского съ ея основной темой „Во полѣ березка стояла“...

А если бы можно было увидѣть новеллу Чехова, то это былъ бы „Вечеръ“ Левитана...

Когда Антонъ Павловичъ показалъ свою „Невѣсту“, которая мужественно воскликнула: „Главное,— это перевернуть жизнь, а все остальное неважно!“ читатель подумалъ:

— Вотъ она, бодрость!

То же самое сказалъ Чеховъ Исааку Ильичу, увидѣвъ, написанныя имъ на Плесь, полотна:

— Знаешь, на твоихъ картинахъ даже появилась улыбка!

Но и тамъ, и тутъ—это было мимолетно.

Жившій—въ бытность свою студентомъ—въ семьѣ Чеховыхъ, нынѣ врачъ, Коробовъ, которому я обязанъ нѣсколькими прекрасными часами его воспоминаній объ Антонѣ Павловичѣ, рассказывалъ мнѣ о маскарадахъ и пирушкахъ, устраивавшихся тогда „Антошей Чехонте“.

На этихъ вечеринкахъ бывалъ и товарищъ Николая Чехова по „Школѣ живописи, ваянія и зодчества“—Левитанъ.

Было зелено. Было молодо. Было весело.

Какъ и потомъ, въ 1886 году, когда Антонъ Павловичъ звалъ архитектора Шехтеля изъ душевной Москвы въ Бабкино:

„Бросьте вы вашу архитектуру! Вы намъ ужасно нужны. Дѣло въ томъ, что мы собираемся судить по всѣмъ правиламъ юриспруденціи, съ прокурорами и защитниками, купца Левитана, обвиняемаго: а) въ уклоненіи отъ воинской повинности, в) въ тайномъ винокурении (Николай пьетъ, очевидно, у него, ибо больше пить негдѣ), с) въ содержаніи тайной кассы ссудъ, d) въ безнравственности. Приготовьте рѣчь въ качествѣ гражданскаго истца“.

По словамъ Маріи Павловны Чеховой, Николай, въ роли свидѣтеля, импровизировалъ невѣроятнѣйшія показанія. Другой братъ покойнаго писателя, Александръ, защищалъ обвиняемаго съ такимъ паѳосомъ, что всѣ покатывались со смѣху. Исаакъ Ильичъ не отставалъ и па-

рировалъ обвиненіе съ остроуміемъ, вызывавшимъ гоме-рический хохотъ. А прокуроръ, Антонъ Павловичъ, за-гримировавшись ужаснымъ злодѣемъ, громилъ его и произносилъ такіа рѣчи, что засѣданіе прерывалось и превращалось на нѣкоторое время въ настоящій сумасшедшій домъ.

Но преобладавшимъ настроеніемъ Левитана была глубокая тоска.

Его письма къ Чехову безпросвѣтны:

„Тоскую я несказанно, тоскую до чорта“.

„Господи, когда же не будетъ у меня разлада? Когда я стану жить въ ладу съ самимъ собою?“

„Вновь я захандрилъ и захандрилъ безъ мѣры и границъ, захандрилъ до одури и ужаса. Если бы ты зналъ, какъ скверно у меня на душѣ. Что дѣлать?“

Ничто не могло его разсѣять. Онъ метался изъ стороны въ сторону и всюду разочаровывался:

„Видишь, дорогой Антонъ Павловичъ, куда занесла меня нелегкая. Вотъ уже 3 недѣли, какъ шляюсь по этой Чухляндіи, мѣняя мѣста въ поискахъ за сильными мотивами, и въ результатѣ—ничего, кромѣ тоски въ клубѣ“.

„Ждалъ я Волги, какъ источника сильныхъ художественныхъ впечатлѣній, а взамѣнъ этого она показала мнѣ настолько тоскливой и мертвой, что у меня заныло сердце и мелкнула мысль, не уѣхать ли обратно?“

Даже изъ солнечнаго Крыма, Исаакъ Ильичъ возвращался съ элегіями: хмурья небеса, убогая деревушка, кладбище...

Помимо неудовлетворенности собой, и въ личной жизни Левитана было не мало такого, что могло бы обусловить собой эту меланхолію, но объяснить ее однимъ этимъ, хотя бы и сочетаннымъ, факторомъ нельзя.

Чеховъ видѣлъ въ припадкахъ тоски у художника нѣчто больное, не приходящее извнѣ, а подымающееся извнутри челоѣка.

Однажды братья Чеховы нашли Исаака Ильича въ его курной избушкѣ, въ Максимовкѣ, валяющимся на соломѣ въ такомъ мрачномъ состояніи, что ничего отъ него не добились, а хозяйева, на разспросы, шопотомъ рассказали имъ, что въ этотъ день Левитанъ стрѣлялся изъ ружья.

Можетъ быть, и было „нѣчто больное“.

Исаакъ Ильичъ въ свое время перенесъ тифъ, тронувшій его сердце...

Но, Боже мой, помните „Чернаго монаха“:

— Если хочешь быть здоровъ и нормаленъ, иди въ стадо.

Въ 1897 году Левитанъ, взбираясь на гору въ Крыму, сказалъ своему спутнику:

— Какъ не хочется умирать! Какъ страшно умирать, и какъ болитъ сердце...

Вскорѣ Чеховъ написалъ:

„Я выслушивалъ Левитана: дѣло плохо. Сердце у него не стучитъ, а дуетъ; вмѣсто звука тукъ-тукъ слышится пф-тукъ“.

„ГАМЛЕТЪ“ ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ТЕАТРѢ.

Офелія — г-жа Гзовская.

Фот. К. Фишеръ.

Еще немного и оно замерло.

И схоронили его у насъ на Дорогомиловскомъ кладбищѣ.

А нѣсколько позже не стало и того, кто „выслушивалъ Левитана“.

И вотъ, сейчасъ, въ зимнія сумерки, когда широкимъ шатромъ раскинулась сѣрая туча, — тяжелая, свинцовая, и вдали, въ узкую, затканную сизымъ пологомъ разсѣлину льется матовый пурпуръ заката, я вспомнилъ о нашихъ милыхъ, нѣжныхъ художникѣ и писателѣ.

Мы говоримъ:

— Они умерли.

А Трофимовъ въ „Вишневомъ салѣ“ недоумѣваетъ:

— Что значить, умрешь? Можетъ быть, у человѣка сто чувствъ и съ его смертью умираютъ только пять извѣстныхъ намъ, а остальные девяносто пять остаются живы!

Можетъ быть.

Ф. Мускатблитель.

10-е ФЕВРАЛЯ.

(Памяти В. О. Коммисаржевской).

Два года тому назадъ, въ часъ сорокъ минутъ этого дня, умерла любившая прекрасное и искавшая его всю жизнь Вѣра Ѳедоровна. Кто зналъ ея жизнь, тотъ зналъ, какъ неустанно боролась она съ безобразнымъ, боялась уродства и духовнаго, и физическаго, и какъ неизмѣнно безобразное въ жизни и искусствѣ преслѣдовало ее. Кто это зналъ, тому ея смерть отъ разрушительной болѣзни*) должна была показаться невѣроятно страшной и жестоко несправедливой.

*) В. О. умерла отъ оспы, осложнившейся зараженіемъ крови.

Послѣднимъ возмущеніемъ противъ преслѣдованій судьбы былъ ея изступленный крикъ вечеромъ, накануне смерти:

— Довольно! Довольно!

Обезображенной она не могла бы жить, не стала бы жить.

Она всегда говорила, что такъ любить жизнь, такъ вѣрить въ то, что «никогда не умереть», — что смерть, это вѣчное Ничто, представляется ей невозможной. Но, несмотря на это, я часто слышалъ отъ нея, что она убила бы себя, если бы судьба сдѣлала ее калѣкой или уродомъ. И это не потому, что она была актрисой и женщиной, — она никогда не воображала себя красивой, — а потому, что боялась уродства и видѣла въ немъ страшное «зло».

Если бы въ тотъ вечеръ врачи признали ея положеніе не безнадежнымъ, обѣщали бы ей выздоровленіе, она все равно кричала бы:

— Довольно! Довольно!

Страдальческой была ея смерть и страдальческой была ея жизнь. Она никогда не была удовлетворена дѣйствительностью; живя въ настоящемъ, она уже предчувствовала будущее; ея духовный взоръ былъ всегда устремленъ въ даль, въ прекрасную страну новыхъ истинъ. И, ради этихъ истинъ, она разрушала настоящее, разрушала, страдая, потому что, когда-то, сама открыла и создала это настоящее. Почувствовавъ новую истину, она «сжигала все, чему прежде поклонялась, и поклонялась всему, что сжигала», а вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый разъ сжигала и частицу самой себя. Въ послѣднее время она не вѣрила, какъ справедливо сказалъ Вяч. Ивановъ, въ то, что искусство можетъ быть «слугою дѣйствительности»; она вѣрила, что искусство создастъ новую жизнь, преобразованную красотой. Ради этой вѣры она работала, окруженная почти злобой и преслѣдованіями тѣхъ, кто неспособенъ былъ смотрѣть въ прекрасную даль; этой вѣрой она хотѣла увлечь людей, звала ихъ къ себѣ, но они или шли къ ней, не искренно вѣря ей, или откликались на ея зовъ «раньше, чѣмъ были готовы».

— Я вѣрю въ молодежь! — говорила она мнѣ осенью, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти.

— Я встрѣтила тамъ, въ Сибири, много талантливыхъ, вдохновенныхъ молодыхъ людей. Не актеровъ, а просто молодыхъ людей. Теперь я твердо знаю, что только среди нихъ надо искать, изъ нихъ надо создавать людей для новой сцены.

Тамъ, въ Сибири, родилась у нея мысль о школѣ. Она не называла ее «театральной», потому, что хотѣла въ этой школѣ «меньше театра, а больше атмосферы искусства». Ей представлялась эта школа гдѣ-то за городомъ, вдали отъ фабричныхъ трубъ и улицы, среди природы, которая ей самой такъ много дала, которую она необыкновенно тонко умѣла чувствовать и воспринимать.

Театральная школа вдали отъ улицы! Какъ странно звучитъ это въ то время, когда, несмотря на многія усилія поднять улицу до истиннаго театрального искусства, оно само опускается до улицы.

Когда она сама однажды говорила мнѣ о своей «школѣ», то ея рассказъ казался сказкой, еще болѣе сказкой кажется онъ мнѣ, когда я вспоминаю его теперь.

Ея школа могла бы стать дѣйствительностью только въ томъ случаѣ, если бы Вѣра Ѳедоровна одна, безъ людей, была въ состояніи создать и двигать эту школу, чего, конечно, быть не могло...

О. Коммисаржевскій.

ЮБИЛЕЙ М. К. ЗАНЬКОВЕЦКОЙ.

— Павелъ Ильичъ, какими судьбами?

— Марья Михайловна, вась ли вижу?

Старички жмутъ другъ-другу руки и смотрять удивленно, растроганно.

Онъ напоминаетъ когда-то великолѣпнаго, но теперь изъѣденнаго молью игрушечнаго льва, съ этимъ англійскимъ приборомъ жиденькихъ сѣдыхъ волосъ, съ этой франтовски раздѣленной бородой, завитой на концахъ мудреными колечками, и вставнымъ глазомъ, который бодро, но не мигая, смотритъ сквозь дымчатое стекло пенснэ. И черный сюртукъ, и галстукъ офицерскаго покроя, и даже бѣлый жилетъ — Боже мой, какой на всемъ этомъ лежитъ налетъ времени, той мшистой сѣрой пыли, которой уже никакъ нельзя отряхнуть, вычистить.

И старушка — такая же: точно вышедшая изъ какого-то темнаго уголка, гдѣ было такъ много сѣрой паутины. Черная кружевная наколочка на гладко зачесанныхъ волосахъ, широкое сѣрое платье и вязаная накидка на плечахъ, и бархотка на шеѣ съ медальономъ — все это такое, всѣми забытое, давнишнее — точно желтая, вышѣтшая картинка стариннаго журнала.

Но старички оживлены: на щекахъ румянцы, въ глазахъ точно отсвѣты далекихъ бенгальскихъ огней, и на лицахъ разбѣгающіяся морщинки радостной улыбки.

А немного уже одервенѣвшая, немного непослушная нога старичка даже отбиваетъ тактъ, даже повинуется ритму музыки, потому что въ оркестрѣ играютъ веселый гопакъ.

И старушка, не безъ мечтательности, киваетъ головой, не безъ кокетства, улыбается.

— Боже мой, какъ хороша Заньковецкая!

— Неувядаема!

— Совсѣмъ почти не измѣнилась! Тѣ же глаза, та же улыбка! Немножко пополнила и только!

— Тридцать лѣтъ на сценѣ! Мы, знаете, уже не тѣ... годы берутъ свое, а она?!.. Непостижимо..

— Помните, Павелъ Ильичъ, мы съ вами ее видѣли въ Екатеринославѣ? Въ чемъ это? Да въ этой же самой „Бондарівнѣ“, кажется? Ну, да, конечно! Вы не помните?

— Какъ же не помнить, Марья Михайловна! Великолѣпно помню. Даже сейчасъ скажу въ которомъ это было году!..

Старичокъ закладываетъ большой палецъ за бортъ сюртука и вставной глазъ за его дымчатымъ стекломъ смотритъ, не мигая, въ пространство.

— Это было?!.. Супруга вашего перевели въ нашъ полкъ, а я получилъ какъ разъ повышеніе... Ну да, конечно, въ 86-мъ году, ровно двадцать пять лѣтъ тому назадъ!.. Помнится, вы такъ растрогались и такъ рыдали, что я принесъ вамъ стаканъ содовой воды?

— Я и сегодня не удержусь! Чувствую, что не удержусь! Вѣдь взглянешь на нее, и не вѣрится: неужто все прошло?

Да, прошло, миновало, закатилось. Мшистая, сѣрая пыль лежитъ на всѣхъ этихъ Бондаряхъ и Бондарівнахъ, на этихъ казакахъ, ѣдущихъ бороться съ „басюрманами“, на этихъ конфектныхъ дівчинахъ, водящихъ хоры, на хлопцяхъ, отдергивающихъ гопаки.

Уже не вѣрится, что въ погребѣхъ современныхъ Бондарей есть старый медъ и что къ свадьбѣ Тарасовъ и Бондарівнъ закалываются цѣлыя свиньи.

Дѣла давно минувшихъ дней.

Преданье старины глубокой...

Иныя пѣсни, иные мотивы звучатъ теперь въ глубинѣ Украины: „важко*“) и тамъ, но не отъ нападеній „басюрмановъ“ и злыхъ „пановъ“, а отъ того, что тѣсна стала широкая степь и горько-узкія полосы, на которыхъ родится мужицкій хлѣбъ, отъ того, что, покидая бѣлыя хаты и цвѣтушія черешни, поднимаются съ насиженныхъ гнѣздъ Тарасы и Грицьки, тянутся

печальной вереницей къ „землямъ дальнимъ“, унося въ сердцахъ горе разлуки.

Далеко впередъ за тридцать лѣтъ ушла жизнь, а „малоросійскій“ театръ остался все тѣмъ же, точно заснулъ навѣки и во снѣ грезитъ о прежнихъ дняхъ расцвѣта и славы. Нѣтъ новыхъ формъ, новыхъ исканій, новыхъ достижений... Все неподвижно въ своемъ омертвѣніи.

И даже такой теплый, такой жизненный, такой, по существу своему, глубоко-народный талантъ, какъ Заньковецкая, не можетъ заставить насъ забыть о томъ, что мы стоимъ у „изголовья трупѣ“. И только юная молодежь, любящая свою Украину, свои пѣсни, свой языкъ, только старики, живущіе воспоминаніями о пережитой юности могутъ, по-дѣтски, восторгаться театрално-наивными переживаниями давно несуществующихъ героевъ.

И потому вдвойнѣ честь и слава М. К. Заньковецкой, сумѣвшей, въ продолженіе тридцати лѣтъ, удержаться на граняхъ истиннаго творчества, сумѣвшей не поддаться всѣмъ опасностямъ, на которыя толкаетъ хорошаго артиста плохая мелодрама. Талантъ и чутье одержали на этотъ разъ полную побѣду.

Юбилей носилъ характеръ сердечности, интимности. Адресъ отъ общества „Кобзарь“, написанный стихами, по-малорусски, прочелъ И. А. Алчевскій. Адресъ отъ москвичей, преподнесенный въ роскошномъ футлярѣ, прочелъ г. Максимовъ. На адресѣ больше 800 подписей. Директоръ г. Гайдамаки привѣтствовала „славу Украины“ отъ имени всей труппы. Было еще много привѣтствій, телеграммъ, много цвѣтовъ, хорошихъ слезъ и, въ заключеніе, торжественное шествіе: группа студентовъ усадила М. К. въ кресло и пронесла ее черезъ зрительный залъ и по фойе.

Старикъ и старушка аплодировали жестоко, съ упоеніемъ. И плакали, какъ тогда давно, въ былые и навсегда ушедшіе дни.

Максъ-Ли.

СУМЕРКИ МЫСЛИ.

ДОГОРѢЛИ огни, облетѣли цвѣты! Еще три новыхъ постановки („Герцогиня Падуанская“ въ Маломъ, „Принцесса Турандотъ“ у Незлобина, Тургеневскій спектакль въ Художественномъ) и — сезонъ оконченъ.

И уже встаетъ забота о будущемъ, о томъ, что должно идти въ слѣдующемъ сезонѣ, плѣнять сердца зрителей и привлекать въ кассу благородный металлъ. Снова, съ неумолимой настойчивостью, выдвигается на первый планъ проклятый вопросъ о репертуарѣ.

— Нѣтъ пьесъ! — вздыхаютъ артисты.

— Нѣтъ хорошихъ пьесъ, — уныло повторяетъ публика.

— Чортъ возьми! Совсѣмъ нѣтъ пьесъ, — волнуются въ своихъ кабинетахъ вершители „театральныхъ судебъ“ и ждутъ чего-то, что должно придти откуда-то, внести новую, освѣжающую струю въ затхлую атмосферу посредственности.

О чемъ же могутъ тосковать русскіе артисты, русская публика, русскіе театры?

Развѣ не потрясъ нашу душу крѣговскій Гамлетъ, развѣ не прошелъ передъ нами фейерверкъ обстановочныхъ пьесъ съ пламенными Кончиттами, героическими Орленками и великолѣпными египтянами?

Развѣ не далъ Малый театръ образцовую пьесу „легкой эффектности“ — „Израиля“ Бернштейна, и не отыскалъ пути къ нашимъ сердцамъ, остановивъ свой выборъ на „Полпути“ Пинеро? И не уводилъ ли насъ коварно Коршъ на ту стезю, которая уже, казалось, должна была сдѣлаться „избитымъ трактомъ большинства“: на стезю дешевой мелодрамы.

*) Тяжко.

ОПЕРНЫЕ И СИМФОНИЧЕСКИЕ ДИРИЖЕРЫ.

С. Рахманиновъ.

Все было. Все силилось плѣнить, заморозить и убѣдить въ томъ, что именно такіа пьесы—самыя современныя, что онѣ отвѣчаютъ запросамъ нашего духа, настроеніямъ нашего русскаго общества.

Но, если въ это такъ непоколебимо вѣрили и продолжаютъ вѣрить руководители театровъ, если они такъ хорошо знаютъ психологію толпы, откуда, каждый разъ передъ новымъ сезономъ, эта тоска, эти мучительныя колебанія, этотъ проклятый вопросъ: „быть или не быть?“ Значить, не все обстоитъ благополучно, значить твердой базы, прочнаго основанія нѣтъ, и кратковременный успѣхъ той или иной пьесы не является залогомъ прочныхъ симпатій публики. То, что нравилось вчера, можетъ разонравиться завтра, ибо всякая прихоть, всякій капризъ—момолетны и скоропроходящи.

И, вотъ, совершенно наугадъ, совершенно „въ слѣпую“, извлекаются на свѣтъ Божій „старыя новинки“, разыскиваются совсѣмъ „новыя“, только что поступившія на театральныи рынокъ. И въ пышной, но не всегда стройной, процессіи проходятъ передъ русскою публикой Льюисъ и Батайлъ, Бернштейнъ и Пшибышевскій, Уайльдъ и Филиппи—имя же имъ легіонъ.

И съ терпѣньемъ, достойнымъ всякаго удивленія, русская публика переживаетъ драму французской семьи, оплакиваетъ злоключенія нѣмецкаго буржуа, упивается бряцаньемъ кастаньетъ и звуками гопаксаго...

...Вѣдь, у насъ нѣтъ своихъ страданій, своей любви, своихъ общественныхъ интересовъ, нѣтъ у насъ и своего „народа“... Вѣдь, все „свое“ такъ убого, жалко, не интересно!!

Вотъ здѣсь слѣдуетъ поставить точку и сказать: „неправда“!

Такъ говорить, такъ думать не можетъ русское общество. Нѣтъ, болѣе чѣмъ когда-либо, съ остротой и надеждой необычайными, ждемъ мы и требуемъ отъ театра отображенія того, что мы пережили, перечувствовали, того, въ чемъ мы созрѣли за эти годы, поднялись на высоты новыхъ пониманій. Страдать своимъ горемъ, возрождаться въ своей радости, угадывать образы будущаго и запечатлѣвать формы прошедшаго, видѣть

свой бытъ, свой народъ, свою родину—вотъ въ чемъ наша тоска и наши большія ожиданія.

Одинъ примѣръ—краткій и поразительный: какая пьеса имѣла въ этомъ сезонѣ наиболѣе крупный, твердый успѣхъ?

„Псиша“.

Развѣ это не симптомъ, не указаніе, не Аріаднина нить среди разнорѣчивыхъ толковъ и сужденій о репертуарѣ?!

Не смѣлой, дерзающей рукой, а лишь чуть-чуть, отдернула передъ нами „Псиша“ завѣсы прошлаго, и жадно обратились къ ней сердца.

Завитое, напудренное, прикрашенное встало передъ нами крѣпостничество и, всетаки, каждый почувствовалъ: „съ этимъ я связанъ неразрывно, это мое, родное“.

Здѣсь уже не капризъ, уже не гаданіе на пальцахъ, уже не игра въ жмурки.

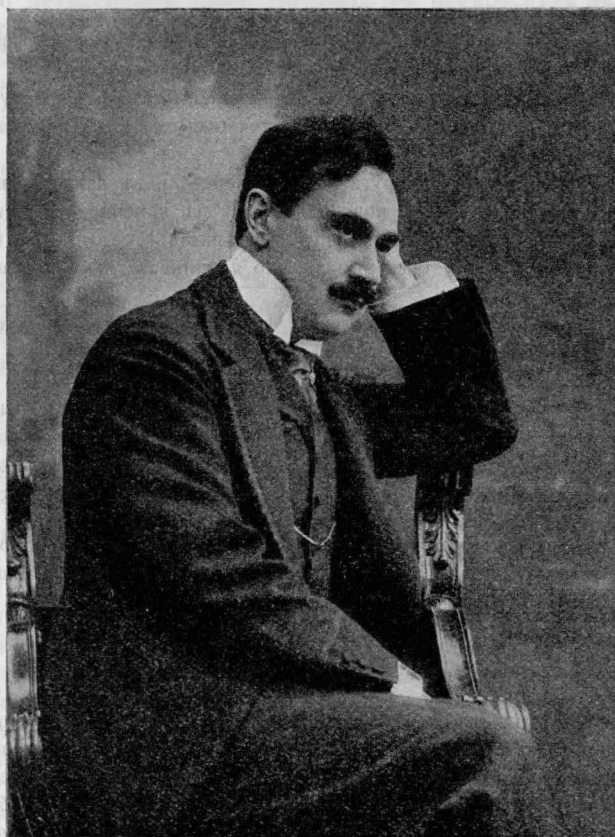
Здѣсь вновь просыпающееся общественное самосознаніе и неукоснительное требованіе реализованія національных цѣнностей.

Вотъ, почему твердую базу создать себѣ лишь тотъ театръ, который, слѣдуя этой поднимающейся жизненной волнѣ, этой тягѣ общества, сосредоточить всѣ свои силы, все свое вниманіе на совершенно иномъ идейномъ содержаніи, чѣмъ то, которымъ насъ дарилъ истекающій сезонъ.

Стоить для этого мысленно вернуться къ 1902—03 гг. нашей театальной жизни.

Художественный театръ, въ то время еще полный „молодыхъ исканій“, ставилъ „На днѣ“, „Дядю Ваню“, „Трехъ сестеръ“, „Юлія Цезаря“, „Доктора Штокмана“—все пьесы съ большимъ удѣльнымъ вѣсомъ и безспорно идейно связанныя съ переживаниями и мыслями широкихъ

ОПЕРНЫЕ И СИМФОНИЧЕСКИЕ ДИРИЖЕРЫ.

С. Кусевичіи.

слоевъ русскаго общества. Этотъ репертуаръ отвѣчалъ духовнымъ запросамъ, органическимъ требованіямъ времени.

Народные низы, молодое рабочее движеніе, тоска и настроенія разночинной интеллигенціи и, наконецъ, помѣщичьи слои находили свою жизнь, свои мысли, радости, печали и надежды отраженными и выявленными на сценѣ. И потому глубокой восторгъ царилъ среди зрителей и, душевно волнуясь, уходили они изъ театра, унося въ жизнь и сливая съ ней свои художественныя воспріятія.

Что же далъ нашему чувству, нашей мысли репертуаръ этой зимы?

Сумерки, сѣрѣя, безотрадныя, унылыя сумерки: всё тѣ же, уже давно „пролежанные“, альковы адюльтера, вопросы личной морали, будничныя переживанія, комилъфотные разговоры, дачныя настроенія, тупики, футляры.

Въ Маломъ театрѣ прошли „Грани“, „Большіе и маленькіе“, „Наслѣдники“ и „Прохожіе“.

Было ли, нашлось ли хоть одно живое, крылатое слово, хоть одинъ яркій сочный типъ въ этихъ издѣліяхъ? Мелькнуло хоть одно смѣло и широко написанное полотно, одна не трафаретная фигура? Нѣтъ, все было только прилично, такъ безконечно прилично и скучно, точно навѣкъ нависли надъ горизонтами русской жизни плаксивыя сѣрѣя тучи, точно разъ и навсегда утратилъ пульсъ огромной страны свое горячее бѣненіе.

У Незлобина?

Уже что-то похожее на оздоровленіе, на какой-то вѣрный путь мелькнуло въ пьесахъ Ашешова и Черешнева.

Но слишкомъ долго пролежало „Частное дѣло“ подъ спудомъ, утратило остроту настоящаго, свѣжесть красокъ, а „Золотой домъ“ носилъ слишкомъ явные и нарочитые слѣды модернизации, въ которой и ради которой безвозвратно потонулъ рисунокъ быта.

„Новый Жрецъ“?... Но развѣ это русская пьеса? Вѣдь, въ сущности, она написана Эберсомъ, о чемъ мы всѣ знаемъ, и новыми въ ней были отнюдь не мысли, а только лишь костюмы.

Что касается Корша, то изъ русскихъ пьесъ, цѣнной постановкой можно лишь считать „Отъ ней всѣ качества“, но, вѣдь, эта пьеса, какъ и „Живой трупъ“, написана Толстымъ... Значить?...

Значить, на самомъ дѣлѣ нѣтъ, хорошихъ русскихъ пьесъ.

Это тяжкое обвиненіе! Но должно ли считать его неопровержимымъ?

Можетъ ли народъ, страна, давшіе намъ Гоголя, Грибоѣдова, Островскаго, Толстого, Чехова, Горькаго, Андреева, изсякнуть въ своемъ творчествѣ, могутъ ли они не таить и не вырачивать новыхъ, молодыхъ силъ и могутъ ли эти силы не претворять и не отражать въ себѣ окружающихъ явленій? Нѣтъ ли причинъ глубокихъ, и серьезныхъ, задерживающихъ ростъ современной, русской драматической литературы. И не лежатъ ли онѣ въ организаціи самихъ театровъ?

Да, несомнѣнно.

Всегда и во всѣ времена театръ былъ консервативнѣе не только печати, но и самого общества. Вѣрнѣе сказать, театръ неизмѣнно являлся хранителемъ и охранителемъ идеологии господствующихъ классовъ. Не говоря уже о театрахъ казенныхъ, субсидируемыхъ, но и частныя театры съ трудомъ подавались какимъ-либо сдвигамъ „влѣво“, понимая это слово въ смыслѣ реформаторскомъ вообще. И только очень смѣлые, очень сильные люди, вроде Брама, Рейнгадта, Антуана, не боялись этихъ сдвиговъ и шли не позади, а впереди общества.

Брамъ открылъ дорогу Гауптману, а съ нимъ всей тогда молодой натуралистической школѣ. Брамъ далъ Германіи имена Гиршфельда, Гальбе, Гартлебена; Рейн-

гардтъ возродилъ нѣмецкихъ классиковъ и положилъ начало нео-романтизму (Гофмансталъ, Стуккенъ, Фольмэллеръ). Антуанъ вырвался изъ объятій ложнаго классицизма, далъ мѣсто драмѣ общественной и оздоровилъ французскій театръ реалистическимъ направленіемъ, (Мирбо). Театры Брама, Рейнгадта, Антуана вызвали и породили цѣлый рядъ первоклассныхъ драматурговъ. Они были вдохновителями и руководителями молодой литературы, которая, въ свою очередь, какъ дерево жиждилось корнями въ глубокихъ слояхъ своего народа, своей націи и несла вѣчно новую, обновляющую струю съ низовъ къ верхамъ.

Какой же театръ у насъ можетъ занять или занимаетъ такое руководящее мѣсто? Съ полнымъ правомъ его могъ бы занять Художественный театръ. Но, вотъ уже пять лѣтъ какъ плотно и непроницаемо закрылись его двери передъ русской дѣйствительностью.

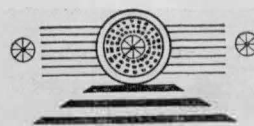
Малый театръ? Но двойная и бдительная цензура охраняетъ къ нему доступъ, и все слишкомъ яркое, слишкомъ смѣлое уже является нежелательнымъ сдвигомъ влѣво.

Театръ Незлобина? Но боязнь риска и необходимость денежнаго успѣха всегда будутъ толкать репертуаръ въ сторону „занимательности“ и „внѣшней эффектности“.

Вотъ и все.

Бѣдна не русская литература и не въ ней царятъ сумерки мысли, нѣтъ, — густой пеленой окутали они горизонты русскаго театра и только тогда, когда онѣ разсѣются, когда теперь разобщенный и оторванный отъ общественныхъ переживаній театръ сольется съ духомъ и вѣяніями своего времени — только тогда появятся „хорошія“, русскія пьесы и новые пышные цвѣты будутъ вплетены въ безсмертный вѣнокъ русской драматургіи.

К. и О. Ковальскіе.

ЕЩЕ О НОВОМЪ УСТАВѢ ИМПЕРАТОРСКАГО ТЕАТРАЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

Мы уже говорили о реорганизаціи театральнаго общества, реорганизаціи, которой такъ жаждетъ весь сценическій міръ. Мы говорили о тѣхъ препонахъ, которые встрѣтилъ проектъ новаго устава со стороны таинственныхъ силъ, предпочитающихъ скорѣе задуть общество среди всеобщаго индиферентизма, чѣмъ разстаться хотя съ частицей захваченной власти. До сихъ поръ проектъ устава, выработанный делегатами отъ труппъ, лежалъ подъ спудомъ, какъ говорилось, изъ-за невозможности своевременно собрать законное общее собраніе. Совѣтъ былъ безсиленъ созвать нужное количество членовъ общества. Бѣдный совѣтъ! Видя его старанія и безпомощность, два провинціальные антрепренера Никулинъ и Струйскій сжалились надъ несчастнымъ. Эти два энергичные человѣка, видя, что гибнетъ дѣло отъ котораго зависитъ „обновленный строй“ театральнаго общества, бросили свои дѣла, не остановились передъ расходами и помчались въ Петербургъ. И, о чудо! То, что было не подъ силу всему составу Совѣта театральнаго общества, съ его связями, съ многочисленнымъ кадромъ служащихъ и зависимыхъ отъ него лицъ, это сдѣлали два провинціальные антрепренера, случайные гости въ Петербургѣ, пріѣхавшіе туда на нѣсколько дней.

Общее собраніе было созвано, какъ по щучьему велѣнію собралось законное число членовъ, и проектъ устава былъ принятъ. Казалось бы, что дальнѣйшихъ препятствій для реорганизаціи дѣла нѣтъ. Оставались формальности проведенія устава черезъ министерство.

Всякій, хоть немного знакомый съ жизнью театральнаго міра, долженъ былъ понимать, что важно всѣ формальности выполнить къ Великому посту, когда въ Москву съѣзжается почти весь провинціальный артистическій людъ. Здѣсь можно было бы обсудить создавшееся положеніе и приступить къ проведенію устава въ жизнь. Казалось бы! Но на сцену опять выступили все тѣ же закулисныя силы—и уставъ до сихъ поръ не утвержденъ. Такое промедленіе тѣмъ болѣе странно, что одинъ изъ членовъ совѣта г. Плющикъ-Плющевскій состоитъ въ тоже время юрисконсультомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. А, между тѣмъ, уставъ не только не утвержденъ до сихъ поръ, но опять носятъ какіе-то таинственные слухи, опять что-то и кто-то мѣшаетъ его проведенію.

И это, несмотря на то, что первоначальная редакція, выработанная делегатами отъ труппъ, чьей-то властной рукой переработана въ очень важномъ и существенномъ пунктѣ.

Какъ бы то ни было, артистическій міръ не долженъ терять предстоящій сезонъ Великаго поста. Надо столковаться относительно проведенія устава въ жизнь; надо мобилизовать всѣ энергичныя силы. По уставу ячейкой театральнаго общества являются мѣстные союзы. Предстоящей организаціей этихъ мѣстныхъ союзовъ и слѣдуетъ заняться. Необходимо собрать совѣщаніе изъ наличныхъ членовъ Совѣта, всѣхъ комиссій, работавшихъ при театральномъ обществѣ, и, вообще, всѣхъ живыхъ силъ сценическаго міра и обсудить способы наилучшаго проведенія устава въ жизнь.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, надо послать делегатовъ въ Петербургъ для скорѣйшаго проведенія устава черезъ всѣ затрудненія административнаго утвержденія.

Если не добились утвержденія устава къ началу поста, надо постараться добиться его по крайней мѣрѣ къ окончанію актерскаго слѣта...

М. Мандельштамъ.

ОПЕРНЫЕ И СИМФОНИЧЕСКІЕ ДИРИЖЕРЫ.

В. Сифоновъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПИСЬМА.

Кончается сезонъ—впереди только нѣсколько, раздѣленныхъ перегородками, недѣль поста и коротенькій «весенній сезонъ», всегда такой пустой, «пищеварительный».

Слегка перетасованныя и подъ новыми именами, пышно расцвѣтутъ опять наши, такъ называемыя, «легкія сцены», къ которымъ Петербургъ питаетъ такое непомѣрное влеченіе; утробный смѣхъ и пошлость снова разольются мутнымъ потокомъ...

Немного хорошаго можно ждать отъ единственной комедійной сцены, вновь открывающейся на-дняхъ; отъ великопостныхъ спектаклей въ «Невскомъ Фарсѣ» труппы съ Карелиной-Раичъ, Діевскимъ и Смирновымъ во главѣ: сами по себѣ хорошіе и опытные актеры, они попадаютъ въ труппу, сохранившую много типично-фарсовыхъ «традицій» и навыковъ, да и публика этого театра очень специфическая: она требуетъ откровенной грубости, шаблона и, какъ это ни странно, просто глупости.

Въ Михайловскомъ театрѣ оснуется снова—уже 21-й годъ подрядъ—нѣмецкая труппа Ф. Бока, когда-то привозившая и сильную труппу, и очень содержательный репертуаръ. Въ послѣдніе пять-шесть лѣтъ гастроль эти систематически падаютъ: репертуаръ старается быть какъ можно легче и пустѣе, крупные актеры появляются только наѣздомъ и отъ прежнихъ временъ сохранилась лишь большая добросовѣстность, стройность и вѣрный общій тонъ игры.

Впрочемъ, въ этомъ году, уже съ самаго начала, обѣщаютъ участіе давнишнихъ знакомыхъ Петербурга—талантливыхъ гг. Базиль, Ланда, Матеэсъ и, особенно, г-жи Тилли Дюрье, выдающейся и новой для насъ берлинской артистки.

Покуда—основной сезонъ догораетъ, и драматическія сцены торопятся выложить все, что онѣ имѣютъ. Отзвучали фанфары юбилейнаго спектакля въ честь Мичуриной, съ обычнымъ, слегка холоднымъ, искусствомъ, сыгравшей роль Реневой въ давно не шедшей у насъ «Свѣтитъ да не грѣетъ».

Панегирики, вызванные юбилеемъ, находили, что талантъ Мичуриной, въ противоположность названію шедшей для праздника пьесы, именно и свѣтитъ, и грѣетъ въ то же время; при всемъ моемъ уваженіи къ ея крупному дарованію, такъ тщательно отшлифованному культурой, я этого признать не могу. Я не запомню ни одного сценическаго образа, гдѣ Мичурина согрѣла бы душу, потрясла бы ее волнующей эмоціей,—но, съ другой стороны, не было также ни одного образа въ числѣ 145, созданныхъ ею за четверть вѣка, гдѣ артистка не ссилась бы съ рисункомъ роли, не прониклась ея стилемъ, ея окраской и ритмомъ.

На русской сценѣ особенно мало такихъ актеровъ большой школы и виртуознаго мастерства—и въ этомъ именно право Мичуриной на высокое признаніе и благодарную память.

Мичурина и, незадолго передъ тѣмъ чествованный, Юрьевъ—это, въ сущности, еще молодыя силы alexandrinской сцены, которыхъ только юбилей неожиданно зачисляетъ въ списокъ «маститыхъ». Но гдѣ же настоящая актерская молодежь театра, тѣ, кто придетъ на смѣну все болѣе рѣдѣющей старой гвардіи нашей?

Если традиціи, которыми кичится Александринскій театръ, не миѣютъ, если онѣ живучи и стойки, то имъ должна быть обеспечена преемственность—таковъ законъ жизни «рода». Гдѣ же она, молодая поросль «рода», которая возьметъ въ свои руки скипетръ послѣ Савиной, Давыдова, Варламова, Стрѣльской?

ФЕЛИСЬЕНЪ РОПСЪ. — „Мать сатировъ“.

На этот вопрос,—вопрос жизни и смерти для нашей казенной сцены—дают ответ, хотя и очень неполный, русские спектакли в Михайловском театре. Последняя в серии этих спектаклей постановка «Воителей в Гельголанде» еще раз показала публике эту молодежь, и как ни скромны показались ее силы в ибсеновской драме, чувствовалось все же, что у нее есть будущее, есть задатки роста и развития.

Прекрасное впечатление производит г-жа Тхоржевская—трогательная Дагни, а даровитый г. Лешков, хотя и не взяв должного тона в Гуннаре, опростив и принизив героя скандинавской саги, но это—только случайная неудача, о чем свидетельствует несколько прежних, отлично сыгранных ролей, да и игра его на выпускных экзаменах в школе, откуда он вышел только в прошлом году.

Г. Уралов—превосходный Эрнунд, властный и моментами глубоко трогательный; г. Ходотов—приличный Сигурд, и только г-жа Пушкарева, которую почему-то считают «специалисткой» по классическому жанру, оскорбляла своей трактовкой пламенной Юрдис: вместо демонической мстительности натуры артистка ухитрилась дать мелкую озлобленность, почти сварливость, и данное Ибсеном высокое противопоставление духов добра и зла в человеческих сердцах стало вульгарным и пошлым.

К репертуару красивого жеста тяготеет в последнее время и Малый театр. Погрузившись в «Генрих Наварский» и «Молодость Людовика» в давнее прошлое Франции, театр передвинулся теперь к эпохе французской революции и вслед за «Любовью актрисы», о которой я писал в прошлый раз, поставил переводную пьесу Эдм. Гиро «В дни террора».

Пьеса—из прошлогоднего репертуара театра Антуана в Париже, где она шла с известной Андре Мегорь и бывшим соратником Антуана, Жемье в главных ролях. Антуан эпохи „Theatre libre“ и Жемье, тогда его ярый единомышленник и союзник, конечно, не стали бы тратить время на такие произведения чисто зрелищного характера.

«В дни террора»—обыкновенная мелодрама, для которой не стоит приводить в движение сложный аппарат большого столичного театра. Тюрьма, куда попадают жена Мориса—Мария и влюбленный в нее Бревиль, грозящая обоим гильотина, аресты, взрыв в дни первого консульства, суд, исповедь Марии, раскаяние и самоубийство Бревиля—это и многое другое создает кричащую красочность ее фабулы, что,

вместе с эффектностью воспроизведенной эпохи, придает, конечно, многим сценам внешний интерес.

До конца сезона в Малом театре осталась только одна постановка. Она будет занята бенефисом В. Мироновой, которая выбирает старую зудермановскую «Магду». В беседе с сотрудником одной газеты, в ответ на выраженное им удивление по поводу такого выбора, артистка заявила, что нет новых русских пьес. Нет не только хороших, но и просто приемлемых на сцене, театрально-грамотных.

Оскудение русской драматургии — вопрос слишком большой и сложный, чтобы говорить о нем вскользь, по поводу благо замечания в интервью. Но я не могу не указать, что талантливая премьерша Малаго театра ищет пьес не там, где нужно. Примеры ее бенефисов в прошлые годы доказывают, что она ищет, прежде всего и главным образом, не пьесы, а роли, роли яркой и, как говорится, «выигрышной». С такими требованиями специального свойства, с такой узкой меркой актрисы нельзя подходить к оценке всего драматического творчества в его целом.

Как ни мало, в действительности, хороших пьес, но еще меньше хороших, серьезных театров, которые, как-никак, питают и стимулируют творчество драматурга. Такой крупный и своеобразный художник, как Федор Сологуб, не нашел для своей новой трехактной драмы «Мечта-Победительница», другой частной сцены, кроме крохотного, бедного актерами и средствами, театра «Комедии и драмы» на Моховой.

Правда, декорации и костюмы пишет талантливый Н. Калмаков, прекрасно заявивший себя в театрах Коммисаржевской и Старинном, танцы ставит В. Присяжников, музыку пишет В. Сенилов, а главная роль Марии в руках даровитой и опытной О. Вехтер, — но технические условия этого театра уже сами по себе способны обезкрылить вдохновение драматурга.

О самой пьесе Сологуба в следующем раз, куда же отмахну только, что в ней трактуется излюбленная автором антитеза искусства и жизни, мечты и действительности. Представителем твердой действительности выведен адвокат Красновский, которому противопоставлены мечтатели—художник Курганов, драматург Морев и актриса Мария.

В отличие от прежних пьес Сологуба «Мечта-Победительница» написана в легких полукомедийных тонах.

Л. Василевский.

МУЗЫКА.

КОНЦЕРТНАЯ НЕДЕЛЯ.

Симфоническое утро кружка любителей русской музыки.—Седьмой симфонический концерт С. Кусевицкого.

2 февраля состоялось последнее в этом сезоне симфоническое утро Керзинского кружка любителей русской музыки. Идут слухи, что, вследствие тяжелой болезни основателя концертов, это было, вообще, последнее симфоническое собрание, устраиваемое кружком любителей русской музыки. Было бы весьма прискорбно, если бы эти слухи подтвердились.

Кружок любителей русской музыки, начав с малаго, разросся в весьма значительное явление нашей музыкальной жизни. В устройстве концертов сказала счастливая рука

основателя. Московская публика полюбила „Керзинские“ концерты. Концерты Керзина стоят особняком среди симфонических вечеров, происходящих в Москве. И публика в них бывает какая-то особенная. Более серьезная, более внимательная, более сосредоточенная, чем в других симфонических собраниях. Кружок любителей русской музыки сдѣлал очень много для музыкального развития самых широких слоев московской публики. Он явился носителем и распространителем национальных идей музыкального искусства среди многочисленных любителей музыки. Русские композиторы, все без исключения, крупные и мелкие, знаменитые и неизвестные,—все они с благодарностью должны вспомнить о Керзинских концертах, давших им возможность—иногда единственную—знакомить публику с своими сочинениями.

ОПЕРНЫЕ И СИМФОНИЧЕСКИЕ ДИРИЖЕРЫ.

В. Сухъ.

Последнимъ симфоническимъ утромъ этого сезона дирижировалъ С. А. Кусевицкій, выручая этимъ кружокъ любителей русской музыки изъ создававшегося затруднительнаго и запутаннаго положенія. Программа была посвящена произведеніямъ Римскаго-Корсакова (симфоническая поэма „Садко“), Рахманинова (2-й фортепіанный концертъ) и Чайковскаго (пятая симфонія).

Чѣмъ больше слушаешь С. А. Кусевицкаго—дирижера, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что настоящее поприще этого выдающагося музыканта—именно, дирижерская дѣятельность. Впродолженіи сравнительно очень недолгаго опыта С. А. успѣлъ приобрѣсти законченную во всѣхъ отношеніяхъ дирижерскую технику, чему, конечно, очень много способствовало то обстоятельство, что, въ лицѣ своего оркестра, С. Кусевицкій обзавелся „инструментомъ“, лучше котораго трудно найти. Я неоднократно высказывалъ восторгъ передъ высокими качествами этого оркестра. Недавно, мнѣ самому, въ роли дирижера, пришлось наглядно убѣдиться въ томъ, какое рѣдкое и, тѣмъ болѣе, цѣнное соединеніе настоящихъ артистовъ представляетъ собою симфоническій оркестръ Кусевицкаго.

Оркестровая часть программы отчетнаго угра прошла съ обычнымъ для Кусевицкаго оживленіемъ. Чрезвычайно тонко прозвучала прекрасная поэма Римскаго-Корсакова, много интереснаго и захватывающаго было въ симфоніи Чайковскаго. С. Кусевицкій обладаетъ большимъ темпераментомъ и выявляетъ его вполне искренно и убѣдительно. Даже, быть можетъ, иногда слишкомъ убѣдительно, т.-е. съ чересчуръ подчеркнутой выразительностью, особенно въ этихъ, и безъ того въ достаточной степени чувственныхъ, кантиленахъ Чайковскаго.

С. В. Рахманиновъ сыгралъ свой второй фортепіанный концертъ такъ, какъ только онъ и можетъ его играть: съ жгучимъ, энергичнымъ ритмомъ, и съ громаднымъ подъемомъ, не забывая при этомъ, однако, ни одной изъ многочисленныхъ восхитительныхъ деталей своей прекрасной партитуры.

Много интересной музыки объединяла программа седьмого симфоническаго собранія С. Кусевицкаго. Во главѣ ея стояла симфоническая поэма „Островъ смерти“ Рахманинова, написанная подъ впечатлѣніемъ одноименной картины А. Бѣклина. Красоты этого сочиненія еще не разгаданы публикой симфоническихъ собраній. Между прочимъ, симфоническая поэма Рахманинова отнюдь не есть „музыкальный пересказъ“ Бѣклиновской картины. Ея содержаніе можно даже опредѣлить парадоксомъ, что она ничего общаго съ картиной Бѣклина не имѣетъ. Рахманиновъ нисколько не желаетъ передать своей музыкой чувства и мысли Бѣклипа, а, исключительно, свои собственныя, возникшія, правда, подъ впечатлѣніемъ дивной живописи швейцарскаго художника.

Во второй половинѣ программы были сыграны двѣ части изъ симфонической поэмы „Psyché“ Цезаря Франка,—красивыя и благозвучныя оркестровыя миниатюры, стоящія, приблизительно, на томъ же музыкальномъ уровнѣ, какъ слѣдующая за ними музыкальная картинка Сенъ-Санса „Le rouet d'Omphale“, безхитростное содержаніе которой окупается красивой звучностью и чистой фактурой. Не столь „удобовоспринимаемую“ музыку даетъ Морисъ Равель въ своемъ балетѣ „Daphnis et Chloé“, изъ котораго было исполнено нѣсколько симфоническихъ отрывковъ, объединенныхъ рукой композитора въ нѣчто въ родѣ симфонической поэмы. Равель—модернистъ de rigueur и, очевидно, не только изъ принципа, но и по призванію. Чувствуется, что иначе онъ не можетъ писать. Его, подчасъ прямо-таки страшныя, аккорды—не поза, а вполне искреннее выраженіе музыкальнаго темперамента. Мѣстами его музыка очень красива, всегда—чрезвычайно красочна, никогда—вымучена или неестественна.

ОПЕРНЫЕ И СИМФОНИЧЕСКИЕ ДИРИЖЕРЫ.

Э. Направникъ.

ОПЕРНЫЕ И СИМФОНИЧЕСКИЕ ДИРИЖЕРЫ.

Э. Куперъ.

Произведение Равеля особенно интересно тѣмъ, что въ него, для оживленія колорита звучности, введены человѣческіе голоса, поющіе безъ текста изысканнѣйшія, труднѣйшія гармоніи, чѣмъ общему оркестровому колориту придается какая-то мистическая, неземная окраска. Тотъ же эффектъ использованъ и Скрябинымъ въ „Прометей“, правда, несравненно болѣе гениальнымъ образомъ.

Солистомъ вечера былъ скрипачъ Эльманъ, недавній вундеркиндъ „Миша“, теперь вполне возмужалый артистъ „Михаилъ“. Эльманъ—одинъ изъ наиболѣе яркихъ скрипичныхъ талантовъ нашего времени, къ сожалѣнію, только нѣсколько ис-

порченный. Очевидно, это дѣло рукъ его американскихъ поклонниковъ. Игра Эльмана рассчитана гораздо болѣе на внѣшній эффектъ, чѣмъ на сосредоточенное выраженіе пережитой на самомъ дѣлѣ музыки. Особенно опредѣленно это сказалось въ сыгранномъ на bis „Ave Maria“ Шуберта-Вильгельми и въ средней части концерта Чайковскаго, исполненномъ въ другихъ частяхъ съ огромнымъ техническимъ мастерствомъ и съ большимъ виртуознымъ блескомъ.

Риземанъ.

Шестой изъ пикла Народныхъ концертовъ Кусевицкаго, состоявшійся 5-го февраля, прошелъ подъ управленіемъ О. фонъ-Риземана. Если не ошибаемся, О. фонъ-Риземанъ выступаетъ въ Москвѣ впервые. Публика тепло и радушно привѣтствовала молодого дирижера, проявившаго неподдѣльный темпераментъ и благородную простоту въ передачѣ своей программы. Если не всегда чувствовалась твердая власть въ изгибахъ темповъ, въ распредѣленіи динамическихъ силъ оркестра, то слѣдуетъ помнить, что это первые шаги и, какъ таковые, они обѣщаютъ хорошаго дирижера. Особенно эффектно прозвучала Листовская симфоническая поэма „Прелюдіи“, послѣ которой публика долго и шумно вызывала О. фонъ-Риземана.

Въ концертѣ принимала участіе г-жа Е. Доленга-Грабовская (концертъ b-moll для фортепіано Чайковскаго), сыгравшая нѣсколько пьесъ сверхъ программы.

Къ послѣднему номеру программы, кстати сказать, удачно составленной (Веберъ—„Оберонъ“. Шуманъ—симфонія № 4. Чайковскій—концертъ b-moll для фортепіано. Листъ—„Прелюдіи“), очень не лишне было бы напечатать отрывокъ изъ Ламартина, находящейся у Листа въ заголовкѣ партитуры и во многомъ уясняющей возвышенный, философскій характеръ этой музыки.

М. Б.

АРХИТЕКТУРА, ВАЯНІЕ И ЖИВОПИСЬ.

ВЫСТАВКА „СТО ЛѢТЪ ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИВОПИСИ“ (1812—1912) ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

ФРАНЦУЗСКАЯ живопись XIX вѣка... Эти слова полны такой же силы и значительности, какъ выраженія „скульптура Греціи“, „итальянское искусство“, „средневѣковая архитектура“. Творчество, все проникнутое тонкостью, изящнымъ вкусомъ, неподражаемою красотой и глубокой логикой фазисовъ его развитія, творчество, говорящее о поразительной художественной одаренности народа,—вотъ что такое французская живопись минувшаго столѣтія.

И все это мы можемъ видѣть здѣсь, у насъ, въ Россіи, въ Петербургѣ, куда, какъ будто чудомъ, вдругъ перенесли всѣ моменты этого развитія и, расположившись другъ за другомъ, дали намъ возможность еще разъ созерцать картину этого развитія, точно постепенно нарастающаго передъ нашимъ взоромъ. Какъ хорошо и странно себя чувствуешь, любуясь этимъ нѣжнымъ и прекраснымъ цвѣткомъ высокой, благородной культуры подъ грустнымъ небомъ нашей родины, съ ея строй жизнью, чуждой красотѣ, пригнетенной и горькой.

Но это поражающее умъ переселеніе лучшихъ созданий французской живописи въ Петербургъ осуществлено не чудомъ, а любовью и энергіей представителей двухъ учреждений—редакціи „Аполлона“ и Institut Français de St.-Petersbourg: С. К. Маковского, бар. Н. Н. Врангеля

и M-ieur Louis Réau. И какъ странны и наивны кажутся сужденія, которыя теперь нерѣдко приходится читать или слышать, что на выставкѣ французской живописи въ Петербургѣ сравнительно немного большихъ полотенъ, что въ Луврѣ есть картины болѣе извѣстныя и значительныя (еще бы!), что не всѣ отдѣлы выставки представлены достаточно характерно и ярко и т. п. Вѣдь въ томъ-то и заслуга устроителей выставки, что они не стремились къ невозможному и, главное, къ ненужному—повторять Лувръ или Люксембургскій музей, а дали то, чего какъ разъ не видишь въ залахъ Лувра, не говоря уже о Люксембургскомъ музеѣ,—это картину жизненнаго и живого искусства, его неотразимо увлекательнаго и, въ высшей степени, красиваго развитія. Всѣ эти этюды, эскизы и рисунки или небольшія картины изъ частныхъ собраній, въ концѣ-концовъ, показываютъ лучше, чѣмъ законченные и необозримые холсты казенныхъ галлерей, какъ горѣлъ и развивался тотъ или другой творческій гений, и это, по-истинѣ, незамѣнимо для пониманія такихъ художниковъ, какъ Давидъ, Придонъ, Жерико, Делакруа, Курбэ, Манэ.

Въ портретахъ Давида, съ жидко протертыми свѣтлыми, сѣрыми тѣнями, вы предвкушаете уже живопись Манэ; въ женскихъ обликахъ Придона вы чувствуете романтизмъ души, отраженной въ красотѣ затѣннаго или блещущаго, точно влажнаго, взора. Въ изумленіи стоишь передъ поразительнымъ созданіемъ Энгра (портретъ его жены), зачарованный тонкою, интимною красой и острой жизненностью дарованія этого художника. Мертвъ и холоденъ, ничтоженъ, въ сравненіи съ этимъ,

глубоко лирическим, изысканно красивым, живописным образом его официальный Наполеон (из *Hôtel des Invalides*), на которого не хочется смотреть после Наполеона в изображении Жерара (собственность великого князя Николая Михайловича), полного монументальной красоты и живой духовной силы. Только в „Римском пастухе“ и в небольших этюдах Делакура или в страстном, ярком эскизе Деодэна („Казнь еврейки“) вы, так сказать, воочию увидите, как неугасающий огненный экстаз высоким пламенем бьет из нѣдр творческого сердца и сами краски, сталкиваясь, зажигаясь и кипя горячими струями, рожают в душѣ трагическое чувство. Только в многоцвѣтных, экзотичных, сверкающих сгущенной глубиной чистых красок, небольших картинах Монтичелли вы можете замѣтить, как в зернѣ, ростки позднѣйшаго импрессионизма и даже современного движенія къ колоризму.

Достаточно на выставкѣ и больших законченных вещей. Поразительно представлен Курбэ, съ обаятельной, пастозной и всетаки воздушной, чернотой его живописи. Исполненъ благородства его „Раненый“; полны сосредоточенной, стихийной силы и неподражаемой красоты его тяжелыя моря, сочныя лѣсныя чащи и нѣжно-изумрудные пригорки. Прелестна и его, монументальная въ высотѣ добродушнаго комизма, въ мощи линій и плановъ свѣто-тѣни, „La mère Grégoire“. И надъ всѣмъ царитъ въ комнатахъ Курбэ вся блистающая теплыми коричневатозолотыми и розовыми переливами, гаснущими въ старомъ золотѣ рамы, его „Дѣвушка со свиньями“—произведение великой красоты, перлъ искусства, безконечно возносящійся надъ убогой, породившей его жизнью. Не забудутся и серебристые туманы и бѣлые разсвѣты Коро, организующаго эстетическое цѣлое и дающаго ему поэтическую душу подборомъ тонкихъ оттѣнковъ тоновъ; запечатлѣются глубоко и знойная, созрѣвшая Церера, Миллэ, въ видѣ жницы съ пылающимъ румянцемъ на сосцахъ груди, или его же женскіе портреты, молчаливые въ страданіи, съ робко вопрошающимъ взоромъ; привлечетъ своими ясными чертами и дымчатой поэзіей тоновъ классически красивая, первобытно чистая, жизнь идеальныхъ людей („На рѣкѣ“), не тронутыхъ ни малѣйшей условностью культуры, людей, какими ихъ угадывалъ Пюви де-Шаваннъ, одаренный гениальнымъ чувствомъ линіи и высшей, идеальной, истинно декоративной красоты.

Но центръ выставки, ея вершина, которой достигаешь черезъ рядъ хронологическихъ и эстетическихъ ступеней, это — залъ импрессионистовъ. Здѣсь собраны: „Странствующие музыканты“, „Нана“, „Баръ въ Folies Bergère“, „Портретъ г-жи L. въ бальномъ туалетѣ“, „Аржантейль“ Манэ; „Petit nu“, „La Grenouillère“, „Les amants“ и нѣсколько выдающихся портретовъ и этюдовъ Ренуара; пейзажей-„impressions“ Монэ и произведения Бертье, Моризо, Сислея, Писсарро, Будэна, — просто не вѣрится глазамъ, что всѣ эти чудной красоты созданія, которыя мы видѣли до сихъ поръ только въ темныхъ репродукціяхъ, о которыхъ мы могли только читать или мечтать,—стоятъ здѣсь, передъ нами, въ русскомъ городѣ, во всей неподражаемой красѣ своихъ свѣтлыхъ, чистыхъ красокъ. Вы видите Манэ, еще близкаго къ Курбэ въ „Странствующихъ музыкантахъ“, съ красивой чернотой ихъ общаго тона, сильными линіями и наивностью людей, добросовѣстно позирующихъ въ ожиданіи сходнаго портрета.

Тутъ и „Нана“ съ нѣжною гармоніей ея розовыхъ, свѣтлоголубыхъ и оливковыхъ тоновъ, съ легкими, едва замѣтными, рефlekсами въ тѣняхъ. Эта гармонія чаруетъ такъ же, какъ весь пронизанный свѣтомъ и свѣтлый, почти бѣлый по тонамъ, портретъ г-жи L., исполненный глубоко выразительными и красивыми ударами кисти (жаль, что портретъ повѣшенъ въ самомъ темномъ углу

залы). Но вотъ и эпическій и, кажется, бездушный, глубоко правдивый „Баръ“, настоящая поэма Парижа, его толпы, его театровъ на Champs Elysées, моря тѣл и головъ, бѣлыхъ, свѣтящихся электричествомъ, шаровъ, жадныхъ и бездушныхъ взоровъ, одервенѣвшихъ лицъ, рѣзко раздѣленныхъ свѣтомъ и тѣнями неживого искусственного освѣщенія. Съ какою красотой и совершенствомъ передалъ художникъ эту вазу съ апельсинами и золотистыя головки бутылокъ на прилавкѣ и всю сумятицу и тѣсоту толпы, заполнившей фойе. Въ объективномъ, чисто эстетическомъ подборѣ свѣжихъ и естественныхъ, тонко высмотрѣнныхъ красокъ и *valeurs*, заключено гораздо больше, чѣмъ воспринимаешь въ первомъ впечатлѣніи. Безжалостнымъ ножомъ анатома здѣсь вскрытъ Парижъ, освѣщенный не электрическими лампами, а свѣтомъ пронизательныхъ очей великаго художника, достигнута высшей неподкупной правды, — правды эстетическаго созерцанія. Да, только великій художникъ могъ возвыситься до гениальной простоты „Бара“... Но мало этого—только великій парижанинъ, всѣмъ существомъ сросшійся съ неисчерпаемой хамелеоновскою сложностью замѣчательнаго города, могъ такъ почувствовать и воссоздать эту картину.

Одинъ шагъ отъ „Нана“ и лодокъ „Argenteuil“ Манэ,—и передъ вами рябь обгоняющихъ другъ-друга голубоватыхъ, бирюзовыхъ и розовыхъ мазковъ Ренуара, сплетающихся въ утонченно-нѣжныя гармоніи женственной ласкающей красоты. И здѣсь, въ этой полной прелести и жизни и такой непритязательной дѣвчонкѣ (*Petit nu*) Ренуара, въ его же „Les amants“ ясно намѣченъ уже новый поворотъ развитія, имѣющаго за собой 100 лѣтъ (а если приглядѣться, то и нѣсколько вѣковъ) существованія. Въ красивыхъ и нѣжащихъ нашъ взоръ цвѣтахъ той призмѣ, сквозь которую на все смотритъ Ренуаръ, есть уже исканіе стиля, стремленіе поставить идеалъ искусства надъ случайностью натуры. Въ школѣ импрессионизма искусство приблизилось къ натурѣ и въ тоже время обособилось отъ нея, чтобы выразить, въ концѣ концовъ, свою вѣчную сущность въ идеалахъ и порывахъ *post-импрессионизма*.

Въ поразительно широкомъ синтезѣ простыхъ и нѣсколько ассиметричныхъ тоновъ и линій намѣтилъ отецъ новаго теченія, Сезаннъ, путь послѣднихъ и тончайшихъ устремленій. Обаяніе новыхъ еще невѣдомыхъ цвѣтныхъ созвучій, стремленіе возвратиться къ гениальности первобытнаго, къ поглощенію личнаго въ міровомъ, выразилъ въ своихъ картинахъ Гогэнъ. Гениальные экстазы, намеки творческаго ясновидѣнія и порывы, вѣчно чуждые удовлетворенія—такова живопись конца 19-го вѣка во Франціи. Неперпѣливый духъ творчества хочетъ обогнать жизнь въ стремленіи создать новый эстетическій идеалъ...

Этотъ отдѣлъ, который могъ бы быть однимъ изъ самыхъ видныхъ и богатыхъ, если бы на выставкѣ были представлены замѣчательныя московскія собранія И. А. Морозова и Д. И. Щукина, на самомъ дѣлѣ производитъ, благодаря отсутствію картинъ изъ этихъ двухъ собраній, недостаточно ясное и сильное впечатлѣніе. Изъ произведеній Сезанна особенно характерны два автопортрета. Сравнительно сильнѣе и типичнѣе представленъ Гогэнъ, и страннымъ кажется отсутствіе Гогэновскаго друга, голландца Ванъ-Гоха на этомъ праздникѣ французскаго искусства. Нечего и говорить, что безъ московскихъ фресокъ изъ мѣста объ Амурѣ и Психеѣ Мориса Дени (собр. П. А. Морозова) нельзя понять обаянія красивыхъ поэтическихъ фантазій этого художника.

Значеніе Сезанна и Гогэна становится яснѣе, когда вы видите послѣдній отдѣлъ выставки—творенія молодыхъ современныхъ представителей французскаго искусства (Валлотонъ, Коттэ, Вальта, Мангэнъ, Руссель, Маркэ, Редонъ, Фріесь, Тобэнъ, Хербэнъ, Форэнъ). Передъ ихъ картинами зрителю кажется, что съ красокъ точно спала

туманившая их пелена: тона необычайной красоты, свѣжести и силы чаруютъ глазъ изысканными сочетаніями, имѣютъ вторяющія линіи гибкія, подвижныя, исполненныя тонкаго ритма. Кажется, все ваше существо расширяется въ созерцаніи этого богатства красокъ и линейныхъ узоровъ и испытываетъ состояніе повышенной жизненности, которымъ только истинное лучшее искусство можетъ очеловѣчить. Но насколько медленнѣй и осторожнѣй поступъ молодыхъ! Передъ ихъ взоромъ впереди смѣлыя, манящія исканія и схемы Сезанна и Гогэна, но они идутъ къ нимъ, постоянно обращаясь къ прошлому, къ неизсякаемому опыту, накопленному за 100 лѣтъ величайшей школой живописи въ исторіи европейскаго искусства двухъ послѣднихъ столѣтій. Есть на выставкѣ и полные характера и тонкой выразительной красоты образцы французской графики: живые, острые карандашные портреты Энгра; неизгладимые изъ памяти чудные рисунки Коро; *scuils* и литографіи Гюиса, Гаварни, Домье, Тулузъ-Лотрека; рисунки Рафаэлли; и полные какихъ-то внутреннихъ чаръ абрисы Родэна; точно наэлектризованные мѣткіе штрихи акварелей и набросковъ Форэна; и знаменитые офорты Меріона, съ видами стараго и новаго Парижа.

Колоссально значеніе этой выставки для духовной жизни русскаго общества, для его сближенія съ лучшими итогами европейскаго искусства. Это визитъ геніевъ и истинныхъ творцовъ культуры, результатъ котораго можетъ быть еще значительнѣе, чѣмъ отъ официальныхъ визитовъ поборниковъ лиги мира и парламентаріевъ. Остается пожелать, чтобы визитъ этотъ не былъ послѣднимъ, чтобы за этой выставкой послѣдовали и другія, имѣющія цѣлью знакомить насъ съ движеніемъ художественной жизни на Западѣ, съ творчествомъ ея наиболѣе видныхъ представителей. И это пожеланіе, навѣрное, осуществится... для Петербурга.

Но Москва?... Салону Лемерсье давно бы слѣдовало позаботиться объ устройствѣ такихъ выставокъ (хотя бы и меньшаго масштаба, чѣмъ Петербургская) и вступить въ сношенія съ крупными художественными салонами подобнаго же рода, давно существующими въ большихъ европейскихъ городахъ. Правда, все это гораздо труднѣе и хлопотливѣе, чѣмъ сбывать у насъ залежавшіяся заграничныя и туземныя товары, банальныя плоды перепроизводства художественныхъ рынковъ, но лишь этотъ путь можетъ обезпечить такому учрежденію истинно культурное значеніе и вліяніе въ Московской художественной жизни. Такія выставки необходимы для Москвы, для развитія ея научно-художественной жизни такъ же, какъ и учрежденіе большой центральной библіотеки по исторіи искусствъ. И какъ разъ Университетскому Музею Изящныхъ Искусствъ надлежало бы взять на себя задачу образованія такой библіотеки и ея постоянного развитія. Но возьмется ли за это дѣло тотъ или другой изъ Московскихъ Музеевъ или частное лицо (какъ въ Петербургѣ учредителемъ такой библіотеки явился гр. В. П. Зубовъ), можно быть увѣреннымъ, что всѣмъ, кто найдетъ средства и силы для учрежденія такой общедоступной широко организованной библіотеки по исторіи искусства или выставокъ, въ духъ созданной „Аполлономъ“ и *Institut Français*, вся художественная, учащаяся и ученая Москва скажетъ искреннее и глубокое спасибо!

Н. И. Романовъ.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪѢЗДЪ ХУДОЖНИКОВЪ

(Окончаніе).

Около вопроса о правительственномъ законопроектѣ охраны памятниковъ искусства и старинныя были сгруппировано не мало интересныхъ докладовъ (помимо уже перечисленныхъ), сопровождавшихся демонстраціей свѣтовыхъ картинъ. В. Т. Георгіевскій ознакомилъ съѣздъ съ великолѣпными фресками Ферапонтова монастыря близъ Новгорода, работы художника Діоннісія (конецъ XV и начало XVI в.). Стѣны монастыря дають серьезныя трещины, и фрескамъ грозитъ гибель. А. П. Эйсеръ въ докладахъ: «Древнія одежды имеретинъ, мингрельцевъ, свановъ, абхазцевъ и гурійцевъ по церковнымъ и династическимъ фрескамъ» и «Памятники старины юго-западнаго Закавказья—монастыри и храмы»—показалъ чрезвычайное богатство художественныхъ сокровищъ Закавказья. Доклады: Славцова—о росписи древне-грузинскаго храма въ селеніи Зарзмы въ Закавказьѣ близъ Абастъ-Тумана и въ нѣкоторыхъ другихъ храмахъ Грузіи; Лихтермана—объ охранѣ Псковской старины и Полтанова—о реставраціи собора Макарьевского Желтоводскаго монастыря—переносили слушателей въ различные очаги нашего отечества, гдѣ еще тлѣютъ искры былой красоты. Всѣ докладчики рисовали картины запустѣнія этой красоты, различныхъ вандализмовъ и пр., и всѣ зывали къ съѣзду о заступничествѣ за гибнущую старину; съѣздъ же, конечно, единогласно выносилъ резолюціи о необходимости ходатайствовать передъ кѣмъ слѣдуетъ о принятіи соответствующихъ мѣръ. Выйдетъ ли что-нибудь изъ этихъ широкообшательныхъ резолюцій—покажетъ время, которое, въ ожиданіи принятія мѣръ, будетъ, по прежнему, безжалостно, беспощадно производить свою разрушительную работу.

Изъ ряда докладовъ, посвященныхъ нашей кустарной промышленности и прикладному искусству, необходимо остановиться на докладѣ С. Глаголя о вырожденіи русской художественной промышленности.

Процессъ вырожденія народнаго художественнаго вкуса идетъ параллельно съ развитіемъ «культуры», которая не только не приноситъ новаго, болѣе совершеннаго пониманія задачъ искусства, но, наоборотъ, вытравляетъ послѣдніе ростки самобытности. Лица, несущія народу просвѣщеніе, оказываются совершенно непонимающими искусства, чуждыми вопросамъ красоты, а Россійскія художественно-промышленныя школы зачастую являются разсадниками безвкусіи.

Докладчику приходилось сталкиваться съ искреннимъ непониманіемъ людьми, которымъ поручено попеченіе о кустарномъ промыслѣ, истинныхъ задачъ самобытнаго, народнаго творчества и съ такимъ же искреннимъ ихъ удивленіемъ, какъ можетъ, на примѣръ, не нравиться воспроизведеніе на какихъ-то шкафикахъ, или полочкахъ картины Васнецова «Богатыри». Результатомъ такого положенія вещей является гибель послѣднихъ проблесковъ самобытности: исчезаютъ образцы русскихъ кружевъ, вышивокъ и пр.; ихъ вытѣсняють кустарныя «*valenciennes*». Отдѣльныя земства борются съ этимъ не въ состояніи, и единственное спасеніе докладчикъ видитъ въ объединеніи земствъ и созданіи, на примѣръ, въ Москвѣ центрального художественнаго органа, который бы вѣдалъ кустарнымъ промысломъ.

Мысль докладчика развиваютъ гр. Шереметевъ, Марсеру и Пашковъ. Послѣдній считаетъ излишней централизацію руководства кустарнымъ промысломъ въ Петербургѣ или Москвѣ, находя болѣе цѣлесообразнымъ поручить это руководство мѣстнымъ художественнымъ силамъ, въ виду огромнаго разнообразія художественныхъ особенностей кустарнаго промысла въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Съѣздъ призналъ необходимымъ, чтобы земства высказались о желательности созданія кустарнаго художественнаго совѣта.

Въ другомъ собраніи той же секціи г-жа Половцова и г. Щербаковскій высказали весьма правильный взглядъ на роль интеллигентныхъ художниковъ въ кустарномъ дѣлѣ: они

ФЕЛИСЬЕНЪ РОГІСЬ.

„Местъ женщины“.

отнеслись къ ней отрицательно; кустаря надо поддержать матеріально, обезпечить ему сбытъ, оградить отъ аппетитовъ скупщиковъ и поднять технику, въ смыслѣ же творчества надо предоставить ему полную свободу; только тогда и можно, конечно, ждаты «самобытности». Г-жа Половцова, между прочимъ, указала, что въ Михайловскомъ уѣздѣ Рязанской губ. народное кружевное творчество существуетъ еще и теперь и что матеріально поддержать его—прямая обязанность тѣхъ, отъ кого это зависитъ. Совершенно правильно указала другая докладчица, г-жа Дитрихъ, на необходимость сдѣлать широко доступными для народа тѣ образцы его же собственнаго созданія, которыми теперь завладѣли музеи.

Съ большимъ сочувствіемъ былъ принятъ съѣздомъ докладъ Оршанскаго: «Игрушки и прикладное искусство». Докладчикъ коснулся психологій ребенка и выяснилъ, какое огромное значеніе имѣетъ личный вкусъ, самобытность въ этомъ дѣлѣ, какъ ребенокъ чутко воспринимаетъ, именно, элементъ творчества; фабричная же игрушка оставляетъ его совершенно равнодушнымъ. Г. Оршанскій приглашалъ художниковъ работать въ этой области воспитанія вкуса у молодой, грядущей силы.

Въ одномъ изъ общихъ засѣданій съѣзда извѣстная дѣятельница на нивѣ народнаго просвѣщенія, графиня Панина, затронула очень интересный вопросъ объ искусствѣ въ народной аудиторіи. Она подѣлилась результатами своихъ наблюденій надъ отношеніемъ къ искусству тѣхъ слоевъ фабрично-заводскаго и мелко-торговаго люда, которые являются главными посѣтителями устроеннаго гр. Паниной Народнаго дома. Отношеніе, въ большинствѣ случаевъ, или часто утилитарное, или же совершенно безразличное; осмотры музеевъ съ объясненіями мало помогаютъ дѣлу, лучшіе резуль-

таты приносятъ чтенія, посвященныя отдѣльнымъ художникамъ и сопровождаемыя иллюстраціями и свѣтовыми картинами; въ послѣднемъ случаѣ, при посѣщеніи музея, показанное ранѣе интересуется больше, узнается и, повидному, лучше усваивается. Съѣздъ одобрилъ попытки гр. Паниной въ смыслѣ распространенія въ народныхъ массахъ художественнаго развитія.

Нѣсколько докладовъ по секціи «Живопись и ея техника» были посвящены сѣтованіямъ на незнакомство художниковъ съ особенностями различныхъ красокъ и ихъ соединеній, съ техникой фресковой живописи, подготовкой стѣнъ подъ живопись и пр., слѣдствіемъ чего является весьма скорая гибель и почернѣніе картинъ и стѣнной живописи.

Проф. Кошелевъ сообщилъ о погибающей росписи въ куполѣ собора Христа Спасителя въ Москвѣ; И. Е. Рѣпинъ долго распространялся о томъ, на какой высокой степени стояли техника и знакомство со свойствами красокъ въ военныхъ поселеніяхъ около Чугуева, гдѣ докладчикъ началъ свою дѣятельность въ качествѣ иконописца; рассказывалъ о томъ, какъ онъ, пріѣхавъ въ академію, поражаля всѣхъ своими познаніями въ этой области и былъ въ состояніи давать чисто-практическіе совѣты Крамскому. Далѣе указывалъ на то, что теперь въ академіи обращено вниманіе на знакомство ея питомцевъ съ средствами ихъ искусства и что академія, яко бы, выпускаетъ большихъ художниковъ-декораторовъ; Рѣпинъ настаиваетъ на порученіи этимъ художникамъ росписи большихъ общественныхъ зданій, полагая, что эти росписи будутъ вѣчными, какъ въ смыслѣ матеріальномъ, такъ и по своимъ художественнымъ качествамъ (?).

Наиболѣе интереснымъ вышелъ докладъ художника Д. Киплика о выборѣ красокъ для живописи. Докладчикъ познакомилъ художниковъ съ трудами Мюнхенскаго о-ва „Deutsche Gesellschaft zur Förderung rationeller Malverfahren“, основаннаго Кеймомъ, а также съ выработанной уже этимъ обществомъ нормальной скалой красокъ, не измѣняющихся самихъ по себѣ и при смѣшеніи съ другими нормальными же красками. Очень доказательными вышли представленные Кипликомъ образцы измѣненія различныхъ красокъ отъ вліянія свѣта, сѣроводорода и пр. Нѣкоторыя краски, какъ, напримѣръ, хромъ, карминъ—совершенно выцвѣтаютъ на свѣту; другія, какъ киноварь, чернѣютъ. Въ виду важности свѣдѣній, сообщенныхъ Д. Кипликомъ, его докладъ былъ опечатанъ и розданъ всѣмъ членамъ съѣзда.

Также важенъ былъ и другой докладъ Киплика о подготовкѣ стѣнъ подъ живопись, гдѣ докладчикъ выяснилъ чрезвычайную необходимость специальной подготовки стѣнъ для сохранности на нихъ росписи и высказалъ пожеланія о проведеніи въ жизнь цѣлаго ряда мѣръ для достиженія этихъ обязательныхъ условій для созданія долговѣчной стѣнной живописи.

Многу уже было отмѣчено, что съ особеннымъ интересомъ съѣздъ встрѣчалъ доклады по вопросамъ общаго, философскаго характера; такіе доклады слушались съ напряженнымъ вниманіемъ, вызывали оживленныя пренія (всѣ доклады кн. С. М. Волконскаго).

Нѣкоторые доклады, напримѣръ, Н. И. Кульбина: «Новыя теченія въ искусствѣ», «Гармонія, диссонансъ и тѣсныя сочетанія въ искусствѣ и жизни», а также прочитанный имъ же въ двухъ засѣданіяхъ обширный докладъ В. Кандинскаго: «О духовномъ въ искусствѣ»—много бы выиграли въ непосредственномъ чтеніи и болѣе близкомъ съ ними знакомствѣ; въ изложеніи же съ кафедръ они много теряли, не позволяя достаточно ясно слѣдить за детальнымъ развитіемъ основной идеи, что и сказалось на послѣдовавшихъ преніяхъ.

Къ большому сожалѣнію, по условіямъ настоящей статьи, приходится отказаться отъ изложенія этихъ интересныхъ докладовъ, отмѣчу только, что самое количество тезисовъ (иногда свыше 20-ти), дѣлаетъ затруднительной краткую ихъ сводку. Докладъ Кульбина о гармоніи и диссонансѣ сопровождался превосходными музыкальными иллюстраціями

пianиста Дроздова, который, кроме того, выступал и с самостоятельным докладом: «Живопись и Музыка».

Представитель группы «Ослиный Хвост» г. Бобров в своем докладѣ об основахъ новѣйшей русской живописи «пуризмѣ», старался доказать, что русское искусство (конечно, въ самыхъ послѣднихъ его произведеніяхъ) освободилось отъ вліянія французскаго (Сезанъ, Гогенъ, Матиссъ) и вернулось къ своимъ роднымъ первоисточникамъ—иконамъ, лубку. Докладъ вызвалъ пренія, показавшія чрезвычайную путаницу самыхъ основныхъ понятій. Думается, что утвержденія докладчика о необходимости обязательно исходить изъ первоисточковъ, или, вообще, исходить отъ кого-то (созна- т е л ь н о, прибавлю я, и н а м ѣ р е н н о) нѣсколько напоминаютъ пресловутые танцы «отъ печки». Скоро ли, наконецъ, настанетъ то время, когда мы увидимъ художниковъ, прежде всего, исходящихъ изъ своего искренняго чувства и поменьше отъ какихъ бы то ни было образцовъ! Опять подъ новой личиной начинается сказка про бѣлаго бычка (ретроспективизмъ)!

Изъ остальныхъ сообщений общаго характера слѣдуетъ отмѣтить докладъ С. Ф. Годлевскаго «О душѣ искусства», въ которомъ онъ проводитъ ту мысль, что истинный двигатель всякаго искусства—стремленіе къ вѣчности, безсмертію. Въ скульптурномъ творествѣ грековъ и, вообще, древняго міра, достигла своего апогея идея вѣчной осязаемой формы; въ искусствѣ же христіанскомъ (преимущественно живописи), находитъ выявленіе та же идея вѣчности, но уже вѣчности духа. Истинное безсмертіе г. Годлевскій видитъ именно въ этомъ проявленіи творчества чело- вѣка, въ его искусствѣ, которое одно можетъ дать осязаемую иллюзію безсмертія.

Рядъ докладовъ о художественной критикѣ и вызванные ими дебаты не отличались особымъ интересомъ. Предлагался, между прочимъ, прекуръзный проектъ о созданіи особаго художественно-критическаго журнала во главѣ котораго стояли бы «уважаемые» представители искусства, литературы и науки, какъ гг. Рѣпинъ, Кошелевъ, Саккети и пр. (докладъ Малышева). Г-жа О. Базанкуръ, обвиняя критику въ несерьезности, раздѣлила самихъ критиковъ на три разряда: невѣжественныхъ, съ болѣзненнымъ самолюбіемъ, и не знающихъ и талантливыхъ, но партійныхъ. А. П. Эйсеръ говорилъ о странности отношеній критики къ художникамъ и къ ихъ именамъ въ печати; Г. Гидони—о необходимости выдѣлить изъ критическихъ образовъ о театрѣ, спеціальныя отчеты о художественной сторонѣ постановокъ, въ которой обыкновенные театральные рецензенты оказываются совершенно некомпетентными.

Интересны были дебаты, посвященные музейнымъ дѣламъ, причемъ высказывались пожеланія о болѣе широкомъ доступѣ въ музеи, о сосредоточеніи завѣдыванія ими въ спеціальному вѣдомствѣ, по заграничному образцу. В. Я. Курбатовъ отмѣтилъ вредную сторону развитія музеевъ,—красота уходитъ изъ жизни, и музеи становятся какъ бы кладбищами красоты; кроме того, столичные музеи настолько перегружены, что разобраться во всей массѣ матеріала, въ нихъ заключеннаго, не по силамъ не только обывателю, но даже и специалистамъ. Докладчикъ полагалъ бы болѣе цѣлесообразнымъ произвести разгрузку музейныхъ сокровищъ въ провинцію, а между провинціальными музеями производить постоянный обмѣнъ картинъ и пр. предметовъ искусства.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ съѣздъ доклада Александра Бенуа: «Чѣмъ могла бы быть Академія Художествъ въ настоящее время», и съ чрезвычайнымъ напряженіемъ слушалъ его въ общемъ собраніи наканунѣ своего закрытія. Вотъ вкратцѣ содержаніе доклада. Академія, какъ учрежденіе государственное, должна, прежде всего, удовлетворять нуждамъ государственнымъ. Но, въ настоящее время, Академія «не служитъ ни искусству вообще, ни государственному въ частности». Бѣда вовсе не въ недостаткахъ устава, не въ отсутствіи талантовъ, не въ преклонномъ возрастѣ про-

фессоровъ, а въ томъ, что Академія хочетъ казаться не тѣмъ, чѣмъ она должна быть прежде всего, т.-е. учрежденіемъ государственнымъ, казеннымъ. Затѣмъ, докладчикъ, приведя въ качествѣ примѣровъ казеннаго искусства величественныя созданія Императорскаго Рима, Версаля и Петербурга,—настаивалъ на утопичности и маниловщинѣ «свободной Академіи», свободнаго искусства подъ протекторатомъ казны. Свободное творчество не нуждается въ поощреніи и попеченіи; яркая личность всегда сама пробьетъ себѣ путь. Задача же Академіи именно создать и поддержать сильное, грандіозное казенное искусство. Чтобы это казенное искусство не было скучнымъ, нужны люди, и эти люди есть; надо только призвать ихъ къ великому дѣлу; бѣда въ томъ, что «настоящихъ, живыхъ людей до дѣла нигдѣ не допускаютъ». Затѣмъ, не называя по именамъ этихъ лицъ, А. Н. Бенуа довольно ярко намекнулъ, что эти лица—художники, группировавшіеся около журнала «Миръ Искусства». Привлеченные къ руководству искусствомъ страны, эти люди создадутъ «эру, въ которой снова создадутся великолѣпія, достойныя самыхъ славныхъ страницъ прошлаго, тогда улица, площадь храма и дворецъ снова засіяютъ подлинной и величественной красотой».

Пренія по докладу вышли вовсе не интересными. Интереснѣе гораздо сопоставить рѣчь Александра Бенуа съ тѣмъ, что говорилъ объ Академіи И. Рѣпинъ. Подвергая критикѣ старую Академію, онъ съ видимымъ сочувствіемъ говорилъ о нынѣшней, сравнивалъ ее съ солнцемъ; проектировалъ посылать лучи этого солнца, т.-е. окончившихъ курсъ Академіи, въ качествѣ инспекторовъ постановки художественнаго образованія, и чуть ли не въ качествѣ пророковъ (sic!);

ФЕЛИСЬЕНЪ РОПСЬ.

Счастье—въ преступленіи.

затѣмъ проектировалъ выбирать профессоровъ Академіи путемъ голосованія на сѣздахъ. Последнее предложеніе, впрочемъ, совершенно не вяжется съ тѣми сочувственными днюирамбами теперешней Академіи, которые рисовали ее въ такихъ розовыхъ краскахъ; но удивляться этому не приходится, потому что почтенный ораторъ, повидимому, импровизировалъ свои рѣчи, находясь на кафедрѣ, почему въ нихъ было сколько угодно повтореній, противорѣчій и самыхъ неожиданныхъ случайностей.

Александръ Бенуа, подчеркивая въ своей рѣчи, что онъ не предлагаетъ практическихъ выводовъ, проектовъ реорганизации Академіи, а только указываетъ на смыслъ ея существованія, какъ высшаго художественнаго центра, какъ мозга государственнаго искусства,—въ результатѣ сдѣлалъ реальное предложеніе, хотя очень осторожно, о призывѣ къ работѣ опредѣленной группы художниковъ и художественныхъ дѣятелей («Міръ Искусства»); Рѣпинъ же, среди разныхъ предложеній, сдѣлалъ ссылку на художниковъ, окончившихъ Академію (подчеркивая последнее обстоятельство).

Не входя въ критику того и другого предложенія, хочу только отмѣтить и менно эту черту обоимъ, въ корнѣ своемъ партійныхъ, выступленій, авторы которыхъ старались—одинъ тонко, другой болѣе прямолинейно—посвятить Академіи своихъ людей.

Нельзя не упомянуть о секціи «Искусство въ театрѣ». Ю. Озаровскій сѣтовалъ на отсутствіе художественнаго элемента въ театральныхъ школахъ и проектировалъ, какъ обязательное, введеніе рисованія въ курсъ этихъ школъ, такъ и открытіе при Академіи спеціальнаго театрально-декоративнаго отдѣленія. Э. А. Коммисаржевскій въ докладѣ своемъ о «Гармоніи искусствъ» подвергъ критикѣ современную Академію, мимо которой проходятъ всѣ перегруппировки цѣнностей различныхъ родовъ искусства. Баронъ Н. В. Дризень сообщилъ о хорошихъ результатахъ идейнаго общенія артистовъ съ художниками, которое имѣло мѣсто въ «Старинномъ Театрѣ», организованномъ въ этомъ сезонѣ въ Петербургѣ.

Слѣдуетъ, наконецъ, отмѣтить еще цѣлый рядъ докладовъ, затронувшихъ весьма важные вопросы; таковъ, напримѣръ, докладъ Сергѣя Глаголя: «О творческомъ рисованіи», гдѣ ораторъ яркими штрихами набросалъ нѣсколько примѣровъ творческаго рисованія дѣтей на заданную тему и параллельно привелъ образчики, можетъ быть, очень добросовѣстныхъ, но не творческихъ воплощеній тѣхъ же заданныхъ темъ дѣтьми другого душевнаго склада. Ораторъ призывалъ чутко подмѣчать въ дѣтяхъ этотъ даръ и не губить его раціонализмомъ.

Въ секціи «Архитектура и художественный обликъ городовъ», интересны доклады М. Перетотковича: «Элементы красоты городовъ» и Курбатова—о переживаніи архитектурныхъ формъ и выработкѣ новаго стиля. Первый докладчикъ, указавъ на примѣръ Америки, гдѣ на художественную сторону начинаютъ обращать серьезное вниманіе, причемъ инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ женщинамъ,—предлагалъ проведеніе въ жизнь цѣлага ряда мѣръ для поднятія и у насъ, въ Россіи, интереса къ красивому облику городовъ. Надо выработать спеціальныя органы съ участіемъ художниковъ и архитекторовъ, которые бы вѣдали этимъ дѣломъ, а въ Академіи и техническихъ институтахъ открыть спеціальныя курсы, трактующіе о красотѣ городовъ. В. Я. Курбатовъ, настаивая на необходимости свободной выработки новыхъ архитектурныхъ стилей, считаетъ необходимымъ не стѣснять участниковъ различныхъ архитектурныхъ конкурсовъ требованіями придерживаться какихъ-либо стилей.

Правильныя предложенія сдѣлалъ Ю. Рѣпинъ (сынъ), о томъ, чтобы нольнослушатели, успѣшно сдавшіе въ теченіе курса экзамены по общимъ предметамъ, зачислялись бы въ дѣйствительные слушатели до выхода на конкурсъ и

чтобы званіе художника присуждалось не только въ Академіи, но и на выставкахъ.

При бѣгломъ обзорѣ разныхъ докладовъ и резолюцій, я старался отмѣтить наиболѣе яркое или важное, но, конечно, много интереснаго мнѣ пришлось опустить, дабы не удлинять и безъ того затянувшейся статьи. Думаю, что приведеннаго матеріала вполне достаточно для того, чтобы видѣть сколько важныхъ жизненныхъ вопросовъ было затронуто на сѣздѣ, и какъ трудно и преждевременно въ настоящий моментъ дѣлать какіе-либо выводы о продуктивности работъ сѣзда, въ смыслѣ проведенія въ жизнь всѣхъ этихъ постановленій и пожеланій.

Всеволодъ Воиновъ.

ФЕЛИСЬЕНЪ РОПСЪ.

(Литературная характеристика).

„Нѣтъ словъ, чтобы выразить, какъ я люблю этого страннаго Ропса... Талантъ его не увѣнчанъ Большой Римской Преміей, но тѣмъ не менѣе, онъ огромный, какъ пирамида Хеопса“.

Боделеръ.

Ханжа и святоша, прикидывающійся убогій скарбъ своей мысли на зернахъ четокъ и* бросающій негодующіе взоры на божественную красоту Венеры Милосской; сытый буржуа, успокоившійся на лонѣ разумной женитбы и семейныхъ добродѣтелей, послѣ ночныхъ дебошей и разгула въ кабакахъ и домахъ свиданія; строгій педагогъ, съ неумолимымъ фанатизмомъ карающій малышей за ошибки въ extemporalia, а самъ, тѣмъ временемъ, преслѣдующій подъ покровомъ вечера, на бульварахъ, несовершеннолѣтнихъ дѣвицъ; провинціальная мамаша, лелѣющая мечту о томъ, какъ бы повыгоднѣе пристроить засидѣвшуюся дочь за «порядочнаго» человѣка съ капиталъцемъ,—всѣ они съ лицемѣрнымъ ужасомъ и отвращеніемъ отвернутся отъ картоновъ, гравюръ и акварелей Ропса и станутъ громить безнравственность творчества его...

Но искренній человѣкъ, человѣкъ съ чуткимъ сердцемъ, съ умомъ, незасореннымъ хламомъ готовыхъ прописей и предвзятыхъ идей, знающій, что каждый мигъ жизни—странный сплавъ добра и зла, порока и добродѣтели,—съ величайшимъ вниманіемъ и печалью отнесется къ твореніямъ причудливаго и великаго французскаго художника...

Ликъ Жизни, какъ она есть, обнаженной отъ лживыхъ покрывалъ, ослѣпляющей насъ стихійной красотой и ужасающей кровавыми ранами, глянетъ на искренняго и чуткаго зрителя огромными бездонными глазами, въ которыхъ міровое опьяненіе сочеталось съ міровой скорбью, наслажденіе—съ жестокой мукой...

И этотъ зритель почувствуетъ, увидитъ, что только мучительно-пристальное изученіе «дна» нашей жизни и цѣлый рядъ кошмарныхъ сгораній тѣла и души, могли привести художника къ этимъ безотраднымъ, но мощнымъ твореніямъ... И только глубокое проникновеніе въ тайники современной культуры могло заставить Ропса подписать подъ однимъ изъ рисунковъ: «простиція и воровство господствуютъ надъ міромъ».

Этотъ стихійный ужасъ капиталистическаго міра, ужасъ городовъ—Левіафановъ, величайшее социальное зло и позоръ нашего времени—запечатлѣны и прокляты твореніями Фелисьена Ропса...

Кто ихъ разъ увидѣлъ, никогда больше не сможетъ забыть!

Остановимся на трех произведениях Ропса, идейный смысл которых даст нам ключ к пониманию мировоззрения художника.

Первое—«Охота за самкой». Взгляните: обезумевший в стихийной ярости и свирепом желании, нагой мужчина с разбегу схватил испуганную, недоумевавшую женщину, схватил и прижал к стволу какого-то мрачного дерева, согнутого бешеной бурей. Губы мужчины впились в бедро женщины—самки. В глазах ее слепой ужас, смешанный с порывом дикой чувственности. И как довершение стремительной экспрессии этой картины—худой, голодный пест вонзился зубами в полную икру женщины.

Это теза: жадный и властный мужчина берет по праву сильнейшего лакомый кусок дичи—женщину, самку, наслаждение.

Второе произведение—«Власть безстыдства» („Pornocratis“).

По каменному парапету нагло-спокойно шествует великольно сложенная, безстыдная красавица, в изящных туфлях и черных чулках до колена; выражение лица вызывающее, на глазах повязка, на головѣ—шляпка; нагота поет и манит; у красавицы на шелковом поводу холеная свинья, самодовольная и торжествующая; в воздух отлетающие амур.

Это антитеза: женщина, взятая как добыча мужчиной и выкинутая на рынок жизни, вдруг почувала, создала свою силу и, вот, вооруженная смелостью, безстыдством и чарами прекрасного тела, шествует как владычица, на виду у всех и для приманки всех. Это уже стихия, рвущая берега и не знающая преград, кроме смерти.

И, вот, третье произведение—«Женщина на крестѣ», смелый, мучительно-стыдный, страшный синтез.

Смотрите: да, это она властвует над миром, на высотѣ, наша любовь и наша мука, ослепительная, грозная сила женской красоты... Но в судорогах ее лица, но к позорному столбу вечного креста пригвождена она, но всем отдана она—царица и рабыня в одно и то же время! Распяли нашу любовь и честь, но с нею распяли и нашу совесть!

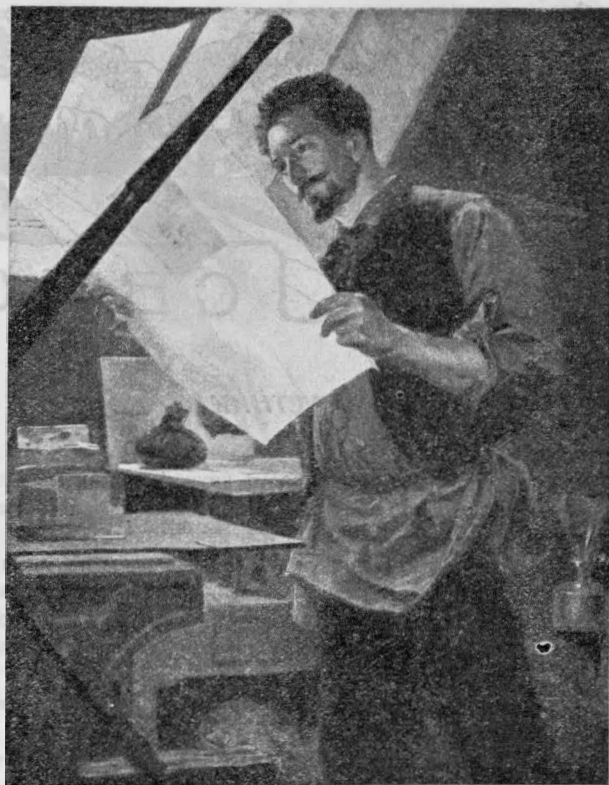
Синтез, от которого волосы дыбом становятся на головѣ у зрителя...

И, вот, в мощном треугольнике этой художественной схемы вращается многогранное творчество Ропса. Нет ни одного мельчайшего рисунка, набросанного отважной рукой друга Мопассана, Боделера и других корифеев французской литературы, ни одного рисунка, который бы так или иначе не соприкасался с каким-нибудь из углов этой схемы.

Вот, идем мы, вслед за Ропсом, в темноту и на дорогу соблазнов огромного города, пожирающего и переваривающего в своей ненасытной, каменной утробѣ тысячи человеческих существ.

Идем мы по ночным улицам, полным фантастических отблесков безчисленных фонарей и гнилых, туманных испарений (Le ryddeck); заходим в шумные кафе, где слонится синий, сигарный дым, в котором мертвенно блестя лихорадочные взоры и обнаженные женские груди („Le gandin ivre“, „Le coup de la jrtierge“); спускаемся в подвалы вонючих матросских кабаков. («Четвертый стакан коньяку»); останавливаемся у дверей публичных домов (La rièguese); посещаем маскарады и будуары, может быть, кокоток, может быть, порядочных женщин.

И всюду видим безумие опьянения и ужас падения («Любительница абсента» и «Мать сатиров»), всюду видим циничную продажу-куплю женского тела и чести, маску смерти, голодные, наглые взоры, страш-

Портрет Фелисьена Ропса.

ную болѣзнь (Mors sifilitica), холодная, мерзкая, объятия наемной любви (Les diables froids), все безобразіе, наготу и ложь содомского грѣха...

И подавленные, затопленные этими поражающими видениями социальных кошмаров, мы внезапно ощущаем, слышим в себѣ нарастающий глухой крик, озлобление, протест... Где солнце жизни, где правда, где спасение, где счастье?!

Вѣдь, это судьба, и скорбь, и ужас огромной половины рода человеческого... Это—участ и горе женщины... Женщины—матери, сестры, жены, подруги и любовницы... Нашего счастья, радости, наших грез... Это жуткое преступление «цивилизации», созданной нами и поколениями нам подобных.

Мы потрясены, наша совесть пробуждена...

И все громче нарастает крик: «Долой маски, долой лицемерные покрывала... дайте нам новый строй жизни с новым светлым, гармоничным ритмом... Мы не желаем дольше задыхаться в клоаке этой несправедливости, в зловещих испарениях мерзкого зла, пороков и преступлений»...

Ибо есть красота в мире, и если она так ослепительна и так нестерпимо влекуща даже на «днѣ», даже среди отбросов культуры, то сто раз достойна она «благого поклонения» и поэтому превратит ее в пышную награду и радостный сад новой жизни!..

Но перед нашими глазами все еще мелькают, тѣсняются, бѣснуются видения-картины Фелисьена Ропса.

И за то, что искренний, безстрашный и неумолимый художник раскрыл перед нами зловещие тайники нашей жизни, наших мыслей и чувств, за то, «что он потряс нас», разбудил дремлющую совесть, мы преклоняемся перед его социальным талантом и готовы повторить вмѣстѣ с Боделером: «он огромный, как пирамида Хеопса!»

К. и О. Ковальские.

СЪ КАПУСТНИКА.

6 часовъ утра.

Въ Художественно-Литературномъ кружкѣ справили капустникъ гг. актеры. Остались только играющіе въ карточныхъ комнатахъ, да прислуга. Прислуга отъ нечего дѣлать засѣла за чаепитіе. Къ одному столику пристроились лакеи, подававшіе только что кушанья господамъ актерамъ и театраламъ, справлявшимъ капустникъ, и наслушавшіеся всякихъ разговоровъ „промежду господъ актеровъ“. Къ нимъ подсѣла и горничная съ дамской уборной.

— Слышали? Всѣхъ ахтеровъ, говорятъ, со сцены долой! Да-а! Приказъ такой, будто бы, вышелъ.

— Ну?! Что жъ и театрамъ тогда, значить, всѣмъ крышка? То-то Малый, я слышалъ, совсѣмъ запираетъ собираются.

— Да, да. И генерала Теляковского ожидаютъ на-дняхъ въ Москву—объявить всѣмъ отставку.

— А почему же это всѣхъ вонъ?

— Да началось дѣло, вишь ты, откуда, издадека: съ Рыма, рымскій папа анѣмуже всѣмъ ахтерамъ и ахтрисамъ объявилъ: грѣхъ, говоритъ, на театрѣ играть, да еще въ трикѣ и декольтѣ. А тутъ итальянская ахтриса Дузе и рѣшила публично спокаяться: ахтеровъ и ахтрисъ въ театрѣ, говоритъ, не надо.

— Ну, а какъ же теперь съ театрами обойдутся? Ломать, что ли, ихъ станутъ? Вѣдь, убытокъ?

— Ну, конечно, убытокъ. А, все-таки, Малый театръ ломать въ первую очередь рѣшили.

— А я слыхала, у меня тамъ въ уборной толковали, театры останутся, потому нельзя же разорять владѣльцевъ, а что за мѣсто ахтеровъ куклы такія будутъ, маріонетками звать.

— Вотъ это вѣрно. Я, какъ служу при библиотекѣ, такъ всѣ театральные журналы перечиталъ. И вотъ, въ одномъ, въ петербургскомъ, статья такая пропечатана, Гордона Крега: пишеть, ахтеровъ не надо, а замѣсто ихъ—маріонетки.

— Что жъ, стало быть, и ахтерамъ и суфлерамъ тогда ка-нутъ?

— Конечно, капутъ. Вотъ правду поется: „англичанинъ-хитрецъ“. Чѣмъ не хитрецъ Гордонъ этотъ самый: пишеть, ахтеровъ не надо, а нужны только режиссеры. Режиссеры, молъ, нужны будутъ для того, чтобы разставлять этихъ самыхъ креговскихъ маріонетокъ.

— Что-жъ, Крегъ, стало быть, съ собой сюда привезетъ маріонетокъ этихъ?

— Э, что ты лопочешь! Что-жъ, у насъ мало, что ли, своихъ маріонетокъ промежъ ахтеровъ? Сколько угодно! Только помани жалованьемъ—всѣ наймутся на новую должность.

— А въ чемъ ихъ работа-то будетъ?

— Работа простая: вертѣться, глазами ворочать, ногу под-нять.

— Вотъ какъ Далькрозъ учить, я видѣлъ его.

— Ахъ, это гувернеръ, что ли, Волконскаго князя? Слышалъ я про него. Князь, говорятъ, показывалъ какъ онъ ловко умѣетъ колѣнца выкидывать; нашъ парихмахеръ состригъ даже: молъ, одна щека плачетъ, другая—скачетъ, одна нога дрыгается, а другая—прыгаетъ, одинъ глазъ ворочить, а самъ всѣхъ морочить.

— Ну, это онъ вретъ, парихмахеръ твой. Тутъ дѣло серьезное, по наукѣ придумано.

— По наукѣ? Ну, ладно,—ну, а кто-жъ, скажи ты мнѣ, будетъ учить всѣхъ этихъ живыхъ маріонетокъ искусству-то маріонетному? Не хватитъ же ихъ двоихъ: Далькроза этого самаго, да князя, на всю Россію, понимаешь, аль нѣтъ?

— А это устроить взялся, говорятъ, Константинъ Сергѣичъ. Онъ хочетъ открыть огромную школу, и въ ней будетъ видимо-невидимо учителей.

— А учителей онъ откуда, братъ, наберетъ?

— Учителей-то, за жалованье-то? Да сколько хошь! Пойди, клини только въ бюро,—съ голоду всякъ отзовется, за какую хошь цѣну, особенно таперь, постомъ, когда ихъ голыми руками чуть не даромъ возьмешь.

— Да и антрепренеры прогорѣлые, ихъ теперь много съѣхалось изъ городовъ, всѣ въ бюро дежурятъ, шляются, и отъ нечего дѣлать пойдутъ съ удовольствіемъ за деньги чему угодно учить.

— Ну, ладно, учителей, стало быть, Константинъ Сергѣевичъ найдетъ, сколько хочешь.

— Ну, да и врите же вы всѣ, какъ послушаю я васъ! Развѣ учителей для такого искусства отыскать легко, нешто годятся куда всѣ эти голодающіе, что въ бюро шляются цѣлые дни? Коскинину Сергѣичу нужны учителя особенные. Мнѣ, говоритъ онъ, нужны такіе, которые теорію мою знаютъ. Это, значить, науку его.

— Это кака така теоря?

— Теорія какая? А, вонъ, и ее тоже онъ ищетъ. Знаю, говоритъ, что нужна мнѣ теорія, а кака така теорія,—я и самъ, пока, молъ, не знаю. И гдѣ сыскать эту самую распроклятую, молъ, теорію, я, вотъ ей-Богу, говоритъ, не знаю, друзья мои.

— Я слышалъ, кто-то совѣтывалъ Константину Сергѣевичу: поспрошайте, молъ, вы господина Архелая—онъ все, дескать, знаетъ, всѣхъ ахтеровъ и нашихъ, и заграничныхъ видалъ, перевидаль—вотъ онъ и отыщетъ теорію.

— Нѣтъ, слыхать быдто Владиміръ Ивановичъ не позволили ему идти къ Архелая. Быдто, сказали: что вы, Константинъ Сергѣичъ, къ кому вздумали идти, къ Архелая! Да у него не токмо что теоріи, а и практики-то даже во всю жизнь никакой не было въ этомъ искусствѣ. Такъ и остался Константинъ Сергѣичъ при однихъ своихъ исканіяхъ.

— То-то, мой милый, въ газетахъ театръ ихній все называютъ „театръ исканій“, да „театръ исканій“.

— Да, да, ищутъ, все ищутъ, ужъ такъ-то старательно ищутъ, какъ блохъ ищутъ, а поймать все не могутъ.

— Поймали, говорятъ, одинъ разъ, да только не блоху, то-бишь, не теорію, а птицу какую-то, синюю цвѣтомъ.

— Не синюю, а просто, дикую утку.

— Напрасно ищутъ, я думаю: николи не найдутъ.

— А почему такъ?

— Да какъ же: ищутъ, гдѣ не потеряли. Вотъ такъ и въ уборной у меня барыня: волосы обронила, на роляхъ инженеру служить, старенькая такая, лысенькая, когда безъ парика; ищетъ, рыщетъ: „гдѣ мои волосы? Куда вы ихъ дѣли?!“—кричитъ на меня. А потомъ, смотритъ, у самой въ муфтѣ лежатъ они. Такъ и тутъ тоже: ищутъ чего-то на сторонѣ и не вдомекъ имъ, что она у самихъ у нихъ гдѣ-нибудь затерялась.

В. Ермиловъ.

ВОРОНЫ ПЕРЬЯ ИЗЪ ПАВЛИНЬЯГО ХВОСТА.

Театральная критика ждет своего историка...

Что такое театральная рецензия?

Спросите актера, спросите актрису.

Отвѣтъ будетъ зависть отъ амплуа.

У трагика появится пѣна на губахъ и начнутся корчи, комическая старуха забьется въ истерическомъ припадкѣ, толстый комикъ-простакъ умретъ отъ апоплексического удара.

Что такое рецензія?!.. О, мы будемъ безпристрастны, какъ историки. Авторы, актеры, критики, антрепренеры, присылайте намъ перлы критическаго остроумія театральныхъ гурмановъ, распускающихъ передъ публикой павлиній хвостъ. Мы соберемъ ихъ въ театральнй музей и подаримъ А. А. Бахрушину.

Въ теченіе года мы дадимъ блестящій „парадъ борцовъ“ за искусство. Сегодня борются только четыре пары.

Господинъ І. В.—Вятка. Маска—Рязань. О—вичь—Таганрогъ. Борецъ изъ публики любитель—„коммерсантъ“.

Парадъ, алле!—Г. І. В.?—„Вятская Рѣчь“.

І.

Къ постановкѣ „Медее“.

„Первую драму о „Медее“ написалъ Эврипидъ, но эта драма не дошла до насъ и мы знаемъ только вторую трагедію „Медее“, написанную Эврипидомъ же въ 432 г. до Рождества Христова.

Въ основѣ пьесы лежитъ древне греческая легенда (миѳъ) о Медее и предводителѣ аргонавтовъ Язонѣ.

Несмотря на то, что гениальный драматургъ сѣдой старины Эврипидъ былъ противникомъ (?) женщинъ и драмы его полны выходокъ (!) противъ нихъ, онъ создалъ такой могучій образъ женщины Медее, что другого подобнаго мы почти не знаемъ во всемирной литературѣ...

Читаешь эту драму и наталкиваешься на мысли Гамлета, Чацкого, на проповѣдь защитниковъ женщинъ въ ихъ борьбѣ за права „слабаго“ пола“.

Эхъ старикъ, старикъ, а еще Эврипидъ! Не зналъ у кого стянуть.

Нужна тебѣ была проповѣдь защитниковъ женщинъ въ ихъ борьбѣ „за право слабаго пола“, пошелъ къ Гамлету съ Чацкимъ...

То-то Язонъ, рассказывая друзьямъ о своей встрѣчѣ при дворѣ Медее, хвасталъ:

Кричали женщины ура!

И въ воздухъ чепчики бросали!

Да и Эврипидъ, по совѣсти, не причемъ: и русскую „Медео“ состряпалъ старичина Суворинъ.

...Мы не сомнѣваемся, что „Медее“, избранная артисткой для своего бенефиса, наполнитъ (!) театръ...

Чѣмъ наполнить?.. Хорошо, если златорунными баранами..

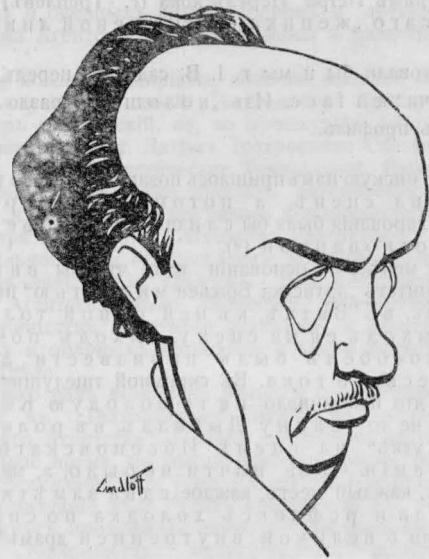
„Мадамъ Санъ-Женъ“.

„Относительно постановки „Мадамъ Санъ-Женъ“ на сценѣ вятскаго театра 27 января хотѣлось бы ограничиться всего только нѣсколькими словами рѣзкаго порицанія, и только неприятная обязанность обосновывать каждый отрицательный отзывъ вынуждаетъ насъ остановиться на этомъ спектаклѣ болѣе подробно.

Постановка „Мадамъ Санъ-Женъ“ отличалась на этотъ разъ крайней неряшливостью, начиная съ игры первыхъ артистовъ и кончая бутылкой вина (!) съ красной печатью русскаго удѣльнаго вѣдомства (!). Объяснить эту неряшливость можно отчасти массою предпраздничной работы, но объяснить, конечно, только отчасти. Зрителю нѣтъ дѣла до закулисныхъ обстоятельствъ, и для артиста послѣдніе дни зимняго сезона съ его масленичнымъ разгуломъ (?) должны быть страдальнымъ временемъ въ полномъ смыслѣ этого слова“...

Что за странные намеки на „закулисныя обстоятельства“ и послѣдніе дни сезона съ его „масленичнымъ разгуломъ“.

Ну, пили, кому до этого дѣло!

Рихардъ Штраусъ.

Каррикат. Ганса Линдлѣфа.

Съ красной печатью удѣльное—не худо!

Въ Темрюкѣ давали шампанское въ видѣ „жуликовъ“ съ „красной головкой“.

Вамъ во французской пьесѣ и вино бургундское подавай... И что за дьявольское зрѣніе у критика!

...Въ свою очередь, г. Барскій, совершенно вѣрно схватившій основной тонъ обращенія Наполеона съ женщинами (à la sapaille)—въ общемъ далъ образъ Наполеона временъ директоріи, но отнюдь не Наполеона, успѣвшаго уже развестись съ Жозефиной (1809 г.).

— Мы знавали старика Наполеона въ эти лучшіе дни его жизни.

Прескверная у него была манера обращаться съ плохими рецензентами (à la sapaille)!..

...Продолжать этотъ списокъ неудачныхъ персонажей нѣтъ положительно охоты. Женщины—королевы и принцессы, вплоть до графини фонъ-Бюловъ (г-жа Димина), сдѣлали все, что могли, но, конечно, не онѣ могли спасти пьесу. (!)

Спектакль 27 января былъ организованъ родительскимъ комитетомъ вятскаго реальнаго училища въ пользу недостаточныхъ учениковъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, несмотря на все усердіе со стороны распорядителей, особенно блестящихъ результатовъ не далъ. Денежная знать блестяла (!) почти полнымъ отсутствіемъ, соблазнившись, очевидно, цыганскими пѣснями, и театръ былъ переполненъ главнымъ образомъ учащимися“...

— Какъ же не было блестящихъ результатовъ, когда знать „блестѣла“ своимъ отсутствіемъ!

Эхъ, батенька!

„Старческая любовь“ (старообрядка).

Драма-быль въ 5 дѣйств. И. И. Мясницкаго (Барышева).
Поставлена на сценѣ вятскаго театра 22 января т. г.

...Передача сложной фабулы заняла бы слишкомъ много мѣста а потому ограничимся нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями относительно игры исполнителей съ тѣмъ, чтобы послѣ этого уже болѣе детально остановиться на наиболѣе цѣнномъ и наиболѣе художественномъ въ исполненіи, на игрѣ г-жи Лилиной-Тинской.

Г-ну Ленину, въ общемъ, хорошо, а въ послѣднемъ дѣйствіи даже очень хорошо проведенную роль Перельскова, мы бы дали совѣтъ при изображеніи суровыхъ стариковъ не садиться къ публикѣ въ профиль. Очертаніе его профиля, въ особенности губъ, создано для комическихъ ролей и въ драмѣ портитъ гармонию.

Еще больше диссонанса въ исполнение внесъ удивительно неудачный гримъ Петра Перельскаго (г. Треплева) завитого, толстомясаго „жениха изъ ножевой линіи“...

Не совѣтовали бы и мы г. І. В. садиться передъ публикой „Вятской Рѣчи“ en face. Изъ „колоши“ гораздо эффектнѣе выглядываетъ профиль.

...Г-жу Тинскую намъ пришлось позавчера только въ первый увидѣть на сценѣ, а потому категорическая оцѣнка ея дарованія была бы слишкомъ субъективной и мало обоснованной (?).

Тѣмъ не менѣе, на основаніи того, что мы видѣли позавчера, эпитетъ „артистка Божьей милостью“ подходит—думается намъ, въ Вяткѣ, къ ней одной только. Уже первый выходъ ея на сцену, выходъ почти безъ словъ, способенъ былъ произвести дѣйствіе электрическаго тока. Въ скромной тщедушной фигуркѣ было что-то, что напоминало не то молодую Комиссаржевскую, не то Іоанну Дыбладъ, въ роли Hedvig въ „Дикой уткѣ“ на сценѣ Ибсеновскаго театра въ Христіаніи. Словъ почти не было, а, между тѣмъ, каждый шагъ, каждый жестъ, каждое едва замѣтное колебаніе груди и рефлексъ холода по спинѣ—свидѣтельствовали о великой внутренней драмѣ“...

— „Категорическая оцѣнка по одному разу была бы мало обоснованной!“

Но „колебаніе груди“ рѣшило участь молодой артистки. Вдумчивый критикъ замѣтилъ это едва замѣтное колебаніе и его пронизалъ электрическій токъ. Впрочемъ, это съ нимъ уже было однажды въ столицѣ Пермской губ.—г. Христіаніи...

И его пронизалъ „рефлексъ холода“ вдоль спины. Немного ниже г. І. В. груститъ, что артистка „Божьей милостью“ не дала должнаго впечатлѣнія.

„ПАЯЦЫ“ ВЪ ОПЕРѢ ЗИМИНА.

Карлотта Редеръ.

Шаржъ Адамовича.

Оскаръ Фридь.

Каррикат. Іанса Линдлѣфа.

...При этомъ—совершенно явственно чувствовалось, что не произвела она его не потому, что не могла его произвести, а потому, что не хотѣла развернуться во всю.

Что-то сдерживало ее, быть можетъ, отсутствіе энтузіазма толпы. Въ этомъ отношеніи наши артисты, вообще, поставлены въ неблагопріятныя условія: играть въ Вяткѣ трудно.

А развернуться здѣсь, между тѣмъ, можно было, да и какъ еще развернуться! Жгучая боль бурно прорывается наружу съ тѣмъ, чтобы потомъ протерпѣть чудную метаморфозу и перейти въ тихій, душу надрывающій плачъ. Но, повторяемъ, артистка съежилась въ этой сценѣ, и ея сдержанность была, быть можетъ, причиною тому, что и Настя не опьянѣла отъ своей роли и не впала въ мистическій экстазъ самоотреченія.

Что будетъ далѣе—увидимъ.

Благодаря весь день бушевавшей вьюгѣ—публики въ театрѣ было сравнительно немного“!!!!

І. В.

— Да, развернись тутъ! Народъ безмолвствуетъ и никакого тебѣ энтузіазма...

Въ интересахъ артистки мы найдемъ для ея реабилитаціи новые факты.

По причинѣ мятели оказывается въ театрѣ, кромѣ пылкаго критика, не было никого. Отъ собачьяго холода нетопленной залы талантливая артистка чувствовала „рефлексъ холода по спинѣ“ и „съеживалась“ тамъ, гдѣ нужно было развернуться...

А ввело всѣхъ въ заблужденіе едва замѣтное колебаніе груди. И гнусный же типъ вятскій импрессаріо! На черную доску его.

Натапливай по совѣсти... Архиплуть, выжига, аршинникъ!

II.

Маска (безъ подписи). „Ряз. Вѣстникъ“.

„Борцы“.

...Пьеса Чайковскаго „Борцы“, поставленная въ воскресенье въ городскомъ театрѣ, рисуется, такъ сказать, три „способа борьбы за существованіе и соотвѣтственно этому три типа. Одинъ, уже вырождающійся нынѣ,—типъ стараго подьячаго, мелкаго взяточника, льстеца, гнушаго спину нередъ всякимъ, кто сильнѣе его, помнящаго только одинъ заветъ: „ниже тоненькой былиночки надо голову клонить“, а исподтишка пишущаго доносы на своихъ благодѣтелей и т. д.

Всѣ три типа, а особенно послѣдній, не разъ уже выводились во многихъ произведеніяхъ и должно быть поэтому, слушая пьесу г. Чайков-

скаго—все въ ней кажется перепѣвомъ чужихъ словъ. То вспоминаются пьесы Колышко, то Рышкова, то Островскаго...

Фабула пьесы составлена довольно занимательно“...

„Слушая“... все въ ней кажется“...

Подъѣзжая къ сей станціи у меня слетѣла шляпа! Колышко съ Рышковымъ не рождались еще, когда „Борцы“ гуляли по свѣту.

...„Прощальный спектакль талантливой гастролерши Р. А. Карелиной-Раичъ 24 января, привлекъ въ городской театръ многочисленную публику. Постановленная пьеса „Полудѣвы“, передѣланная изъ повѣсти извѣстнаго французскаго романиста Марселя Прево, прошла съ большимъ художественнымъ успѣхомъ и подъемомъ.

Что касается постановки, то слѣдуетъ отмѣтить маленькое несоотвѣтствіе во второмъ дѣйствіи. Наврядъ ли, на вечерѣ у свѣтской „полудѣвы“ Парижа Модъ, музицировались бы такіе вещи, какія доносились намъ изъ-за кулисъ. Канканъ и романсъ „Пожалѣй“—портитъ весь эффектъ второго дѣйствія“...

„Наврядъ ли“ музицировались! Что вѣрно, то вѣрно!

III.

О-вичъ. „Таганрогскій Вѣстникъ“.

„Шелковичные черви“.

Кн. В. В. Бятынского.

...Въ пятницу въ городскомъ театрѣ состоялся бенефисъ одного изъ лучшихъ артистовъ А. Э. Угрюмова. Постановлена была извѣстная пьеса кн. В. В. Бятынского „Шелковичные черви“ съ бенефициантомъ въ роли доктора Ноябрьева.

Роль г-жей Агринцевой была передана слабо, артистка безпрестанно прибѣгала къ своей обычной манерѣ кривить лицо вмѣсто выраженія душевныхъ переживаній болѣе соотвѣтствующимъ образомъ.

Остальные исполнители не дали ничего оригинальнаго“...

А если артистка съ рецензентомъ не въ ладахъ... Поневоѣ будешь „кривить лицо“ набокъ и не выразишь своихъ переживаній „болѣе соотвѣтствующимъ образомъ“.

Кисло!

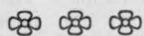
IV.

Въ заключеніе борецъ-любитель—молодой московскій „коммерсантъ“.

...„Сегодня идетъ у Сабурова новинка—„Адмиралъша“ при участіи г. Сабурова и г-жи Грановской. Не нужно сомнѣваться въ томъ, что постановка и игра не будутъ заурядными. Мы, наконецъ, послѣ долгой разлуки, будемъ имѣть удовольствіе видѣть и восторгаться игрой двухъ фарсовыхъ звѣздъ“...

Не нужно сомнѣваться! Видѣть и восторгаться! Вотъ и „образчикъ“ коммерческаго отчета по цѣнамъ *rix fix*. Товаръ безъ задатка не отпускается. „Коммерсантъ“, бросьте апельсины.

Гуинплэнь.

20-ЛѢТІЕ ПЕРВАГО ТЕАТРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА Е. Н. РАЗСОХИНОЙ.

„Первое Театральное Агентство для Россіи и заграницы Е. Н. Разсохиной“, справляющее нынѣ юбилей официально утверждено и открыто въ Москвѣ 9 февраля, 1892 г. Главныя цѣли Агентства были: централизація взаимныхъ сношеній антрепренеровъ и артистовъ, посредничество между ними для взаимныхъ дѣловыхъ отношеній, разработка общаго театральнаго контракта, выдача справочныхъ свѣдѣній по аранжѣ театровъ, приглашеніе специальныхъ служащихъ театра и пр. Агентство, какъ нововведеніе въ театральнѣмъ дѣлѣ, отвѣчающее на живые запросы дня, встрѣчено было антрепренерами и артистами всѣхъ сценическихъ жанровъ съ большимъ сочувствіемъ. Много дра-

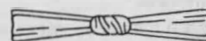
матическихъ и оперныхъ антрепренеровъ и артистовъ записались членами Агентства для поддержанія и развитія этого предпріятія.

Успѣхъ новаго предпріятія, конечно, вызвалъ конкуренцію. Сначала выступилъ со своей „Театральной Конторой“ бывшій антрепренеръ г. Бѣльскій, но, по прошествіи двухъ лѣтъ, онъ закрылъ свою контору. Затѣмъ Театральное Общество открыло въ Москвѣ свое „Статистическое Театральное Бюро“. Началась неравная борьба: Общество обладало авторитетомъ, большими средствами и ежегодными крупными вспомошествованіями.

Несмотря на все это, „Агентство Разсохиной“ продолжало свою дѣятельность, на осуществленіе которой было потрачено много труда, энергіи и средствъ. Для поддержанія дѣла, въ программу Агентства было включено устройство „артистическихъ товариществъ“, гастролі русскихъ и иностранныхъ драматическихъ и оперныхъ артистовъ, а также развитіе кафе-концертнаго отдѣла.

Нѣсколько разъ возникалъ вопросъ о приобщеніи Агентства Разсохиной къ „Театральному Бюро“, при условіи закрытія „Театральнаго Агентства“. Однако, соглашеніе не состоялось.

Въ данное время, по мысли основательницы Агентства, намѣчена реорганизація его. Г-жа Разсохина думаетъ, что дальнѣйшее процвѣтаніе дѣла будетъ обезпечено въ томъ случаѣ, если его будутъ продолжать лично русскіе сценическіе дѣятели на правахъ „товарищества“, непосредственно заинтересованнаго матеріально и нравственно въ успѣхѣ дѣла.

ХРОНИКА.

МОСКВА.

БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ.

— Л. В. Собиновъ будетъ гастролировать постомъ у Брыкина въ Кіевѣ.

— Назначенная для постановки въ миланскомъ театрѣ „La Scala“ опера „Псковитянка“ отмѣняется по болѣзни Ф. И. Шаляпина.

— Артистъ г. Боначичъ вполнѣ оправился отъ перенесенной болѣзни и выступаетъ на второй недѣлѣ поста въ операхъ: „Кармепъ“ и „Евгеній Онѣгинъ“, а на третьей—въ „Гугенотахъ“ и „Лоэнгринѣ“.

— Вновь приглашенный изъ Петербурга для вагнеровскаго цикла теноръ г. Матвѣевъ выступитъ въ оперѣ „Зигфридъ“.

— Включенная въ репертуаръ будущаго сезона опера Мусоргскаго „Хованщина“ пойдетъ въ постановкѣ Ф. И. Шаляпина.

— Первый выходъ кіевского тенора Орѣшкевича состоится въ оперѣ Вагнера „Валькиріи“.

— Съ дирижеромъ Э. А. Куперомъ возобновленъ контрактъ на три года.

— Начались репетиціи „Золото Рейна“ на сценѣ.

БАЛЕТЪ.

— Е. В. Гельцеръ получила приглашеніе на гастролі въ Мексику на будущій сезонъ.

— Вмѣсто балета Коппеліи былъ поставленъ Корсаръ. На спектаклѣ присутствовалъ директоръ Императорскихъ театровъ В. А. Теляковскій.

— Профессоръ А. А. Ильинскій пишетъ музыку для новаго балета, который пойдетъ вмѣстѣ съ „Щелкунчикомъ“ Чайковскаго.

— 4-го февраля возобновили балетъ „Фею куколъ“, шедшій въ этомъ сезонѣ лишь разъ въ благотворительномъ спектаклѣ.

— „Корсаръ“ не перестаетъ дѣлать полные сборы и поистинѣ становится „гвоздемъ сезона“.

— Вопросъ о новой постановкѣ въ будущемъ году остается открытымъ. Съ одной стороны, предположено дать петербургскому балетмейстеру Фокину одну постановку въ Москвѣ. Вѣроятнѣе всего, „Щелкунчикъ“ Чайковскаго; съ другой стороны—ходятъ слухи, что, въ виду протеста небольшой кучки престарѣлыхъ „балетомановъ“, недовольныхъ „новаторскими“ опытами г. Горскаго, рѣшено возобновить какой-нибудь „классическій“ балетъ: „Пачиту“ или „Талисманъ“. Естественно возникаетъ вопросъ, кто же будетъ „возобновлять“? Г. Горскій? Но, въ такомъ случаѣ, почти неизбѣжно получится тотъ же результатъ, что и въ „Корсарѣ“, гдѣ „классическаго“ ничего не осталось. А другого балетмейстера въ Москвѣ не имѣется. Развѣ дано будетъ испробовать свои балетмейстерскія данныя г. Тихомирову, который, въ настоящее время, въ Москвѣ единственное лицо, могущее поставить „классическій“ танецъ.

== А. А. Горский постомъ выѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ ему будетъ поручено заново поставить въ Маринскомъ театрѣ „Конекъ-Горбунуокъ“.

МАЛЫЙ ТЕАТРЪ.

== Открытая репетиція „Герцогини Падуанской“ О. Уайльда состоится 13 февраля. Премьера на слѣдующій день.

== Артистъ И. Н. Худолѣвъ, прослужившій 20 лѣтъ на сценѣ Малаго театра, остается въ труппѣ и на будущее время.

== Директоръ Императорскихъ театровъ В. А. Теляковский присутствовалъ на утреннемъ представленіи „Прохожихъ“.

== 7-го февраля управляющій труппою Малаго театра А. И. Южинъ осматривалъ вмѣстѣ съ комиссіей театр Шеллапутина.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

== Въ труппу принять актеромъ извѣстный провинціальнѣйшій антрепренеръ Дувапъ-Торцовъ.

== Окончательно выяснилось, что гастролы Художественнаго театра въ Петербургъ состоятся, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, въ Императорскомъ Михайловскомъ театрѣ и продолжаться ровно одинъ мѣсяцъ—съ 25-го марта по 26-ое апрѣля. За это время предполагено дать 41 спектакль: 32 вечернихъ и 9 утреннихъ.

== 5-го числа состоялось 50-ое представление пьесы „У жизни въ лапахъ“, дававшей почти все время полные сборы, что составило сумму около 130.000 рублей. „Живой трупъ“ прошелъ 54 раза, тоже при полныхъ сборахъ; на долю фонда имени Толстого очистилось свыше 25.000 рублей.

== Ежегодный „Капустникъ“ состоится въ воскресенье 4 марта.

== Для открытія сезона въ будущемъ году окончательно рѣшено поставить „Пэръ-Гинта“ Ибсена, съ музыкой Грига, въ декорацияхъ и костюмахъ по эскизамъ Н. К. Рериха, исполненныхъ художниками Яремичемъ и Сарьяномъ.

ОПЕРА ЗИМИНА.

== Состоялись бенефисы режиссера и артиста П. С. Оленина и декоратора-художника оперы Зимина А. И. Маторина. Для своего бенефиса П. С. Оленинъ поставилъ оперу „Мазепа“, выступивъ самъ въ роли Кочубея. Послѣ сцены въ тюрьмѣ происходило чествованіе бенефицианта. Онъ получилъ много цѣнныхъ подарковъ. Для Маторина шла опера „Въ долину“, гдѣ всѣ декорации принадлежатъ исключительно работѣ бенефицианта. Было много подношеній; произвелъ фуроръ огромный вѣнокъ, на которомъ красовался чекъ въ 1200 р.—подарокъ директора С. И. Зимина.

== Въ бенефисъ самого С. И. Зимина шла опера „Борисъ Годуновъ“.

== Есть предположеніе, что на пятой и шестой недѣлѣ поста будетъ гастролировать теноръ Ансельми; гастролы итальянской пѣвицы Берты Нельсонъ рѣшены въ положительномъ смыслѣ. Нельсонъ выступитъ въ оперѣ „Богема“.

== Бельгійскій импрессарио г. Астриукъ заарендовалъ вновь строящійся на Елисейскихъ поляхъ „Русскій театръ“ и предлагаетъ Зимину пріѣхать со всей труппой на очень выгодныхъ условіяхъ.

== Въ Москву пріѣхалъ Баттистини. Въ третьемъ дѣйствіи оперы „Камо грядеши“ артистъ будетъ исполнять вставную арію, специально написанную для него Нугесомъ.

== Опера „Наполеонъ“ Нугеса пойдетъ въ началѣ будущаго сезона. Уже распределены главныя роли: Наполеонъ—Бочаровъ, Жозефина—Друзякина, маркизантка—Петрова-Званцева.

== Билеты на оперы „Травиата“ и „Риголетто“ съ участіемъ г-жи Гальвани, гг. Баттистини и Джорджини всѣ проданы. Въ виду этого, дирекція повторяетъ тѣ же оперы, въ томъ же составѣ. Записи на повторенія принимаются въ конторѣ театра.

== Н. А. Шевелевъ уѣзжаетъ въ Екатеринодаръ, гдѣ будетъ пѣтъ въ художественной оперѣ Д. К. Южина.

== Г-жа Петрова-Званцева и дирижеръ г. Василенко приглашены въ Берлинъ для участія въ симфоническомъ концертѣ.

ТЕАТРЪ НЕЗЛОБИНА.

== Въ открывающемся великопостномъ сезонѣ двѣ недѣли подрядъ будетъ идти „Псиша“, съ новымъ составомъ исполнителей.

== „Зеленая лампа“ Ю. Бѣляева отдана театру г. Незлобина.

== Намѣчающійся классическій репертуаръ будущаго сезона: „Горячее сердце“, „Фаустъ“, „Донъ-Кихотъ“ и „Ромео и Джульетта“.

ТЕАТРЪ КОРША.

== Идутъ усиленные приготовления къ пріѣзду оперетты Полонскаго. Начиная съ 13-го февраля всю недѣлю будетъ идти выдержавшая въ Петербургѣ 75 представлений оперетка „Король веселится“. Кромѣ самого Полонскаго въ труппѣ участвуютъ такіе первоклассныя силы, какъ: г-жи Кавецкая, Сброжскъ-Пашковская, гг. Брагинъ, Горевъ и др.

ТЕАТРЪ САБУРОВА.

== Съ 14-го февраля гастролы „Стариннаго театра“ барона Дризена.

ТЕАТРЪ ЭРМИТАЖЪ.

== Для открытія спектаклей „Кривого зеркала“ пойдетъ новая пьеса-сатира Л. Андреева „Похищеніе сабинянокъ“.

КУПЕЧЕСКИЙ КЛУБЪ.

== Гастролы „Стариннаго театра“ Н. Н. Евреинова.

ТЕАТРАЛЬНОЕ БЮРО.

== Закончены приготовления къ великопостному актерскому „слету“. Пока съѣздъ немногочисленъ, оживленіе ожидается съ конца третьей недѣли поста. Пока появились лишь артисты изъ ближайшихъ городовъ и оттуда, гдѣ лопнули антрепризы. Но, по полученнымъ свѣдѣніямъ, большинство дѣлъ въ провинціи закончено благополучно.

Тула. Антрепризу держала Каразина-Плевако. Сезонъ закончила съ небольшими барышами, наибольшимъ успѣхомъ пользовался „Живой трупъ“.

Винница. Антрепренерша Т. Д. Лентовская. Небольшой дефицитъ. Труппѣ все уплачено.

Мариуполь—А. И. Соболевиковъ. Крахъ. Не заплативъ труппѣ, скрылся.

Мелитополь—Абловъ. Крахъ. Дѣло перешло въ товарищество.

Николаевскъ—Апполоновъ. Послѣ Рождества дѣло продолжалось на товарищескихъ началахъ, конца сезона не дотянули.

Екатеринодаръ—Рейнике. Десять тысячъ убытку.

Самара—Югихесъ. Съ конца октября дѣло перешло къ товариществу, но театръ сгорѣлъ.

Тамбовъ—Херсонскій. Съ 12 января образовалось товарищество.

Блестящія дѣла были:

Ростовъ-на-Дону—Зарайская. Валовой сборъ 100.000 руб.

Тифлисъ—Паліевъ. Товарищество получило по 2 руб. на марку.

Кіевъ—Кручининъ. Сезонъ оконченъ съ барышемъ въ 15.000 руб.

Вильна—Бѣляевъ. Валовой сборъ свыше 50.000 руб. Наибольшій успѣхъ имѣлъ „Живой трупъ“.

Несмотря на раннее окончаніе сезона, крупные антрепренеры почти закончили формированіе труппъ на будущій сезонъ.

Формируютъ драматическія труппы г. Зеруновъ и режиссеръ г. Лейнъ для поѣздки по волжскимъ городамъ, начиная съ 26-го марта по 15-мая.

Уполномоченный отъ екатеринбургскаго муниципалитета г. Давыдовъ формируетъ оперную труппу для будущаго сезона. Управляющій канцеляріей г. Витарскій пріѣзжаетъ въ концѣ второй недѣли поста.

Бюро, какъ и въ прошломъ году, будетъ открыто днемъ отъ 10 ч. утра до 4 и отъ 7 ч. вечера до 10.

Входъ въ бюро допускается исключительно по предъявленіи членскаго билета.

Всѣмъ артистамъ, потерпѣвшимъ крахи въ антрепризахъ этого сезона, разрѣшается безплатный входъ въ бюро.

ОБЩАЯ ХРОНИКА.

== Энергичная общественная дѣятельница гр. В. Н. Бобринская основала въ одномъ изъ переулковъ Хамовническаго района „Клубъ для работниковъ“. Клубъ управляется выборнымъ правленіемъ, въ составъ котораго входятъ, кромѣ работниковъ, интеллигентныя женщины-сотрудницы, занимающіяся преподаваніемъ.

Клубъ содержитъ на членскіе взносы (работники не менѣе 5 коп., сотрудницы 1, 2, 3 рубля въ мѣсяцъ); кромѣ того устраиваются концерты, вечера, чтенія. Годовой оборотъ доходитъ все же только до 1.200 руб.

Большимъ подспорьемъ являются спектакли, съ участіемъ самихъ работниковъ. Эти спектакли вызываютъ такой интересъ и привлекаютъ такъ много посторонней публики, что помѣщеніе часто является слишкомъ тѣснымъ.

Въ клубѣ есть прекрасная бібліотека-читальня; вечера посвящены общедоступнымъ, образовательнымъ бесѣдамъ.

Однимъ словомъ, роль этого культурнаго учрежденія огромна. И нельзя не поддерживать его самой широкой, какъ матеріальной, такъ и духовной помощью.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОКЪ.

— Въ кружкѣ возникаетъ вопросъ о необходимости имѣть собственное помѣщеніе. За нынѣшнее, малоудобное, приходится платить громадные деньги, плюсъ ремонтъ, производящіеся не за счетъ собственника, а самого кружка. Избрана специальная техническая коммисія, которой поручено всесторонне разработать вопросъ о возможности постройки собственного зданія. Въ коммисію избраны: гг. Кузнецовъ, Шевяковъ, Меликъ-Бегларовъ, Пржевальскій и Комиссаровъ.

Лекція о „Старинномъ театрѣ“ К. И. Арабажина, назначенная на 7 февраля, не состоялась.

— Капустникъ писательской „Среды“ прошелъ вяло и мало интересно.

КОНСЕРВАТОРІЯ.

— Въ среду 8 февраля состоялся ученическій концертъ. Шли отрывки изъ популярныхъ оперъ, участвовали лучшія силы по классамъ скрипки, рояли, виолончели и пр.

— Ипполитовъ-Ивановъ, считая обязанности директора несовмѣстимыми съ композиторскою дѣятельностью, думаетъ съ будущаго сезона покинуть занимаемый имъ постъ. Преемникомъ его называютъ дирижера г. Василенко.

ГАЛЛЕРЕЯ ЛЕМЕРСЬЕ.

— На СПб. весенней выставкѣ (при Импер. Академіи художествъ) въ галлерей Лемерсье продано картинъ на сумму 10.000 руб., при общемъ числѣ посѣтителей въ 9.000 человекъ.

Между проданными находятся полотна кисти художниковъ: И. И. Бродскаго (Максимъ Горькій, „Поздніе дачники“), Э. О. Бакундъ („Близнецы“), А. Г. Канцера („Зимній день“, „Волховъ“), Ф. В. Сычкова („Свадьба“) и нѣсколько другихъ, менѣе крупныхъ картинъ: гг. Болдырева, Владимірова, Зайденберга, Клокова, Колесникова С. Ф., Кулакова, Лаховскаго, Плотникова, Столицы, Шестипалова и Шульце.

ПЕТЕРБУРГЪ.

— На третьей недѣлѣ поста въ Марининскомъ театрѣ состоится нѣсколько гастролей знаменитой французской пѣвицы Розы Феаръ, такъ понравившейся въ прошломъ году. Пѣвица будетъ пѣть на русскомъ языкѣ.

— Въ репертуаръ будущаго зимняго сезона Марининскаго театра включается, для Л. Собинова, опера „Искатели жемчуга“.

— Спектакли итальянской оперы въ большомъ залѣ Консерваторіи закончились съ убыткомъ приблизительно въ 15.000 рублей.

— Въ ближайшіе дни ожидается опубликованіе результатовъ конкурса пьесъ на сюжеты изъ исторіи Дома Романовыхъ.

— Мѣсяца черезъ два — значительно раньше предполагаемаго срока — ожидаютъ возобновленія спектаклей на сгорѣвшей сценѣ новаго театра Народнаго дома. Въ результатъ разслѣдованія причинъ и обстоятельствъ пожара возможно привлеченіе къ суду нѣкоторыхъ членовъ Попечительства.

— 15-го февраля, въ ресторанѣ „Малый Ярославъ“ состоится чествованіе 25-лѣтняго юбилея литературной дѣятельности В. А. Мазуркевича, драматурга, поэта, театральнаго критика и переводчика.

— Въ „Кривомъ Зеркалѣ“ принята къ постановкѣ на зимній сезонъ новая двухъактная опера Л. Урванцова „Сладкій пирогъ“. Музыка написана Н. Евреиновымъ, ученикомъ Глазунова и Римскаго-Корсакова, впервые пробуящимъ свои силы въ композиціи.

— Только-что образовавшееся, по образцу московской „Летучей мыши“, кабаре „Бродячей собаки“ сразу приобрѣло большую популярность и симпатію. Его „вечера импровизаций“ по средамъ и субботамъ всегда переполняютъ небольшое подвальное помѣщеніе „Собаки“, и на нихъ приходится задолго записываться.

— 9-го и 10-го февраля состоялась выдача, по записямъ изъ Москвы, болѣе дорогихъ абонементовъ на предстоящія гастроли Художественнаго театра.

— Наступающій великопостный сезонъ складывается слѣдующимъ образомъ. Въ Александринскомъ, Марининскомъ и Маломъ театрахъ спектакли продолжаютъ по-старому, въ Михайловскомъ начинаются нѣмецкіе гастроли труппы Бока, въ Небольинскомъ — мѣсто „Псиши“ займутъ „Орленокъ“, „Снѣгъ“ и „Женщина и паяцъ“, въ Зимнемъ Буффѣ — гастроли Сабурова и Грановской, въ „Пассажѣ“ — малороссы г. Гайдамаки съ участіемъ Затыркевича, Карпинской и нѣсколькими гастролями Заньковецкой, въ „Невскомъ фарсѣ“ — спектакли комедін съ Карелиной-Ранчъ во главѣ; Екатерининскій театръ на первую половину сезона сданъ польской драмѣ, на вторую — подъ спектакли фарса и комедіи г. Гильдебранда, въ „Казинѣ“ — товарищество русской оперетки съ г-жами Бауэръ и Дмитріевой во главѣ. Сезонъ въ тетрахъ „Палась“, „Комедія и драма“, „Миніатюры“ и „Мозаика“ продолжаютъ по-прежнему.

— Въ обществѣ поощренія художниковъ открыта выставка произведеній артистовъ-художниковъ. Имѣются интересныя работы Шалапина, Поля Ребера, Легата, Чупрыникова, Самоилова, Карузо и др.

— 10-го февраля — вторая годовщина смерти В. Θ. Комиссаржевской.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Самара. Не дотянувъ до конца сезона, антреприза Миролюбова потерпѣла крахъ; часть труппы разѣхалась, другая часть учредила товарищество. Г-жей Днѣпровой къ Миролюбову предъявленъ искъ въ 2000 руб., интересы г-жи Днѣпровой защищать прис. пов. Мандельштамъ.

Ярославль. Образовавшееся послѣ краха г. Воротникова товарищество благополучно закончило сезонъ, получивъ на марку полнымъ рублемъ. На будущій сезонъ театръ отданъ Коралл-Торцову.

Тифлисъ. На постъ театрѣ Титовой снятъ Мартыновымъ и Синельниковымъ. Ядро труппы состоитъ изъ Харьковской труппы Синельникова. На амплуа героини приглашена С. Чаруская; въ составѣ труппы и коршевскій Борисовъ.

Севастополь. Лѣтній театръ сданъ Никулину; сезонъ начинается съ Пасхи. Въ составѣ труппы: г-жи Пасхалова, Дымова, Аренцваръ, г-г. Путята, Левскій и др.

Полтава. Для первыхъ трехъ спектаклей часть коршевской труппы анонсировала: „Счастливую женщину“, „Дни нашей жизни“, „Старая любовь“. Изъ коршевскихъ персонажей въ труппѣ Блюменталь-Тамарина, Чаринъ и Кригеръ.

Херсонъ. Къ намъ приглашенъ на гастроли коршевскій артистъ г. Путята.

Екатеринбургъ. Оперное предпріятіе въ будущемъ сезонѣ рѣшилъ эксплуатировать самъ городъ, для чего въ Москву командированъ гласный думы съ полномочіями набрать труппу.

Нижній-Новгородъ. Антрепренеръ Струйскій согласился дать на будущій сезонъ оперу только при условіи повышенія расцѣнокъ мѣстъ. Это предложеніе городомъ принято.

Воронежъ. Антрепренеромъ Никулинымъ на 2 недѣли поста приглашена на гастроли б. артистка театра Корша г-жа Дымова.

Варшава. Г-жа Полякова потерпѣла жестокой крахъ; дирекція правительственнаго театра пришла на помощь артистамъ и выдала имъ на выѣздъ по 15 рублей.

Вильна. 5 февраля труппа Е. А. Бѣльева закончила сезонъ.

Елисаветградъ. Антрепренеръ А. А. Васильевъ закончилъ 5 февраля драматическій сезонъ.

Рига. 28 февраля, въ Ригѣ, въ мѣстномъ городскомъ русскомъ театрѣ, въ первый разъ, и этимъ самымъ, вообще, впервые на русской сценѣ — была поставлена латышская національная драма — „Индраны“ Рудольфа Блаумана, одного изъ крупнѣйшихъ латышскихъ писателей. Всѣ четыре спектакля, данные театромъ, прошли съ огромнымъ успѣхомъ. Мѣстная русская и нѣмецкая печать отзывалась, какъ о постановкѣ и исполненіи, такъ и о художественныхъ достоинствахъ пьесы, съ большимъ одобреніемъ. Критика отмѣчаетъ, между прочимъ, что драма Блаумана не только открываетъ русскимъ до сихъ поръ мало-извѣстный міръ латышскаго искусства, но и, вообще, является произведеніемъ крупной литературной цѣнности. По слухамъ, случайно присутствовавшій на генеральной репетиціи пьесы и заинтересовавшійся ею К. Незлобинъ, думаетъ поставить „Индраны“ въ Москвѣ и Петербургѣ.

ПРОВИНЦІЯ.**НИЖЕГОРОДСКІЯ ПИСЬМА. (Отъ нашего корреспон.)**

Въ городскомъ Николаевскомъ театрѣ сборами нельзя похвастаться. За три мѣсяца сезона по 29 декабря, антреприза П. П. Струйскаго получила, кромѣ вѣшалки и благотворительнаго сбора, 30187 рублей. Святки въ матеріальномъ отношеніи прошли хуже, чѣмъ въ прошломъ году — получено 8106 р. 46 к., не считая благотворительнаго сбора и вѣшалки.

Чѣмъ же объясняется такое положеніе вещей? Вѣдь мы уже писали, что въ общемъ труппа текущаго года лучше труппы прошлаго сезона. Нѣсколько причинъ создали то, что публика

не особенно усердно посещает театр. Несомненно, у театра значительную долю посетителей отнимают кинематографы. Открывшийся только осенью 1911 г. загородный кафешантанъ съ „отдѣльными кабинетами“ и „ложами“ тоже манитъ въ свои стѣны денежную публику, которая раньше все же посѣщала театр, а теперь предпочитаетъ этуалей искусству. Далѣе, интеллигентную часть общества не удовлетворяетъ репертуаръ театра. На посѣщаемости театра точно также отразилось въ неблагоприятную сторону выѣзѣ „изъ строя“, по болѣзни, артистки г-жи Моравской, отсутствіе комика, грандъ-дамы (артистка, приглашенная на это амплуа, захворала съ ноября мѣсяца). По моему мнѣнію, и по мнѣнію значительнаго числа театраловъ мѣстная театральная критика, особенно одной газеты, сурово отнеслась къ антрепризѣ П. П. Струйскаго и, конечно, неблагоприятно вліяла на сборы. Я употребляю слово „сурово“ по сравненію съ рецензіями прошлыхъ трехъ сезоновъ. Онѣ были значительно мягче рецензій, которыя намъ приходится читать въ текущемъ сезонѣ.

До Рождества сборы въ городскомъ театрѣ были лучше, чѣмъ послѣ Рождественскихъ праздниковъ. Выдались совсѣмъ грустные спектакли по матеріальнымъ результатамъ: „Старческая любовь“ во второй разъ дала сборъ немного болѣе 50 рублей. Такой же сборъ получился со спектакля, на которомъ ставилась „Смѣшная исторія“ только во второй разъ.

По нашему мнѣнію, есть еще причина, оказавшая вліяніе на пониженіе сборовъ со спектаклей на Рождествѣ и послѣ святковъ. Это—не особенно тщательная постановка „благотворительныхъ“ спектаклей, которые шли передъ праздниками. „Бѣдность не порокъ“ Островскаго очередной режиссеръ г. Берже поставилъ очень невнимательно и играли пьесу во всѣхъ отношеніяхъ слабо, а нѣкоторые исполнители небрежно. Отъ такого „благотворительнаго“ спектакля у публики, которая всегда заполняетъ театры на подобныхъ спектакляхъ, впечатлѣніе получилось самое неблагоприятное. И воплѣ естественны неслестные мнѣніе и заключеніе о всей труппѣ и объ игрѣ артистовъ.

Посѣтитель сходитъ по обязанности на „благотворительный“ спектакль, а потомъ объявляетъ забастовку городскому театру.

Наше предсказаніе, что „Псиша“ Ю. Бѣльева въ городскомъ театрѣ будетъ сезонной пьесой, сбылось. Она выдержала уже 5 постановокъ по обычнымъ цѣнамъ, причемъ двѣ съ аншлагомъ, одну—по бенефиснымъ и одну—по уменьшеннымъ. И все время давала хорошіе сборы. Чѣмъ же привлекаетъ она публику? Кромѣ самого содержанія пьесы, она поставлена хорошо, роли распредѣлены между исполнителями удачно. Имѣть успѣхъ у публики „Пучина“—прошла 12 разъ; изъ нихъ десять разъ „по дешовкѣ“. „Живой трупъ“ былъ поставленъ 9 разъ, но сборы давалъ незначительные. „Шальная дѣвченка“ выдержала 7 представлений.

Состоялись еще три бенефиса: г-жи Гидичъ—„Мечта любви“ А. Косоротова, г-жи Шебуевой—„Царь Борисъ“ (сцена „Царица Марфа“) А. Толстого и „Общество поощренія скуки“, г-жи Максимовой (второй бенефисъ)—„La gamine“ („Под-ростокъ“).

Бенефисы идутъ у насъ въ матеріальномъ отношеніи не блестяще: не даютъ полныхъ сборовъ. Наибольшій художественный успѣхъ выпалъ на бенефисъ Е. П. Шебуевой. Мѣстная пресса посвятила Е. П. Шебуевой предварительныя замѣтки передъ бенефиснымъ спектаклемъ артистки, называя артистку „выдающейся артисткой“, „талантомъ“. О спектаклѣ бенефициантки тоже былъ данъ въ мѣстныхъ газетахъ самый хорошій отзывъ. Мы, со своей стороны, скажемъ, что г-жа Шебуева показала въ день своихъ сценическихъ именинъ свой чудный даръ. Въ роли царицы Марфы г-жа Шебуева играла съ потрясающимъ и въ высшей степени простымъ трагизмомъ, съ истиннымъ артистическимъ подъемомъ настоящаго таланта. Въ „Обществѣ поощренія скуки“ г-жа Шебуева развернула передъ зрителями комическую сторону своего таланта. Она играла княгиню Абдорскую и дала образъ колоритный, яркій, полный юмора и привлекательности.

А. В.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. (Отъ нашего корреспондента).

Съ 26-го декабря, въ заново нерестроенномъ зимнемъ театрѣ, играетъ драматическая труппа г. Рейнеке.

Составъ труппы не блещетъ дарованіями и поэтому, да и по многимъ другимъ причинамъ, которыхъ я коснусь въ слѣдующей корреспонденціи, сборы слабые.

Среди артистовъ выгодно выдѣляются: хорошій комедійный артистъ г. Чужбинновъ и г. Горбачевскій (на амплуа героев). Способный артистъ г. Сухановъ. Хорошъ, но нѣсколько однообразенъ и съ наклонностью къ шаржу, комикъ г. Валерьяновъ. Много общается въ будущемъ симпатичный молодой актеръ г. Шатскій. Недуренъ и самъ г. Рейнеке, хотя часто беретъ на себя роли не по силамъ и не по характеру. Изъ женскаго персонала слѣдуетъ отмѣтить г-жъ: Попову-Барвинокъ, Морскую и Львовскую.

Репертуаръ разнообразный: „Безприданница“ (открывшая сезонъ) наряду съ „Шальной дѣвченкой“. Далѣе слѣдуютъ: „Измѣна“, „Частное дѣло“, „Исторія болѣзни Пытцова“, „Дни нашей жизни“, „Гамлетъ“ и „Бурлаковъ оселъ“ и т. д.

Постановки трафаретны. Впечатлѣніе блѣдное, посредственное. Слабые сборы принудили дирекцію обратиться къ устройству маскарада и кабаре, а въ послѣднюю недѣлю театръ былъ сданъ подъ гастролы Р. Адельгейма, японской труппы г-жи Ганакко и концерты.

Имя Р. Адельгейма хорошо извѣстно въ провинціи. Всѣмъ почти извѣстна его игра, его никогда не обновляющійся репертуаръ, его всегда плохая, а на этотъ разъ ниже всякой критики, труппа. И все же оба вечера театръ былъ переполненъ. Спектакли же чрезвычайно интересной и талантливой японской труппы совершенно не привлекли публики.

Въ оперѣ, какъ и въ драмѣ, матеріальныя дѣла очень плохи. Театръ совсѣмъ пустуетъ.

Дѣло перешло отъ г. Циммермана въ завѣдываніе самого клуба и даетъ убытки.

22-го, 23 и 24-го состоялись гастролы солистки Его Величества М. И. Долиной. Было поставлено: „Русланъ и Людмила“, „Снѣгурочка“ и „Жизнь за царя“. Всѣ три спектакля прошли съ аншлагомъ. Хотя голосъ артистки значительно потерялъ гибкость и свѣжесть, но умѣнье пѣть и хорошая игра очень понравились публикѣ.

2-го и 5-го февраля гастролы М. Е. Медвѣдева. Почтенный артистъ произвѣтъ свой 35-лѣтній сценической юбилей. Выступаетъ онъ въ партіяхъ Германа въ „Пиковой дамѣ“ и Елса-зара въ „Жидовкѣ“.

Выдѣляются въ оперѣ, кромѣ указанныхъ въ прошлой корреспонденціи, еще совсѣмъ молодой, но весьма симпатичный баритонъ г. Орда, басы Федоровъ и Платовъ, теноръ Саяновъ и клорор. сопрано Максимова. Заслуживаетъ похвалы дирижеръ г. Бердяевъ. Хоръ и балетъ плохи. Оркестръ малочисленъ и бѣденъ инструментами до крайности.

На постъ Коммерческаго Собранія получено предложеніе отъ драматическаго антрепренера Генбачева-Долинова.

Зимній же театръ постомаъ занимаетъ Харьковская опера С. М. Акимовъ-Энгель-Кронъ.

Привожу ея составъ:

Сопрано: Мара де-Рибасъ, А. Е. Маркова, С. Б. Осипова, Е. Р. Шляхова, А. И. Горина; меццо-сопрано: И. Б. Ардъ, Б. З. Ратмирова. Тенора: Н. Д. Гукасовъ, В. М. Даниловъ, В. К. Липецкой, И. Ш. Гриневъ. Баритоны:—И. В. Бондаренко, В. В. Каневскій, Л. А. Княжичъ. Басъ-баритонъ: М. М. Энгель-Кронъ. Басы: С. М. Акимовъ, К. Е. Кайдановъ, С. А. Цыгоевъ, В. Л. Квасицкій.

Капельмейстеръ—М. М. Голинкинъ.

Режиссеръ: Н. Н. Боголюбовъ. Хормейстеръ—М. М. Энгель-Кронъ.

Обѣщаны постановки новыхъ оперъ и гастролы выдающихся артистовъ. Пока извѣстно, что будутъ О. И. Каміонскій Н. В. Каржевнъ и старый знакомый, любимецъ екатеринославцевъ, теноръ Зиновьевъ. Изъ новыхъ оперъ объявлены: „Измѣна“ Ипполитова-Иванова, „Жизнь Латинскаго квартала“ и „Елена“ (въ класс. постановкѣ). Въ новой постановкѣ пойдутъ оперы: „Аида“ и „Гугеноты“.

Концертная „эпидемія“ продолжается.

Въ этотъ мѣсяцъ были: М. А. Каринская, піанистъ В. Сапельниковъ, П. И. Цесевичъ и М. В. Бочаровъ (на студенч. вечерахъ) и очаровавшая насъ своими „сказками“ О. Э. Озаровская. Съ нею были арт. Императорскихъ театровъ М. А. Эйхенвальдъ, композиторъ Гартенвальдъ и Ант. Эйхенвальдъ.

На „вечерѣ народной пѣсни, сказки и юмора“ публики было мало. А жалъ, ибо такихъ талантливыхъ и оригинальныхъ артистовъ, какъ г-жа Озаровская, рѣдко приходится слышать. 28-го января въ Англійскомъ клубѣ прошель съ большимъ успѣхомъ концертъ піаниста Готфрида Гальстона. 2-го февраля въ скэтингъ-ринкѣ концертъ скрипача Бронислава Губермана, а 18-го февраля тенора Императорскихъ театровъ Лабинскаго съ участіемъ Сазоновой и Варламова.

Послѣдніе три концерта устраиваются музыкальнымъ магазиномъ Бр. Баккъ.

15-го февраля состоится, устраиваемый Импер. Муз. О-мъ въ городской думѣ, концертъ Ванды Ландовской и въ скэтингъ-ринкѣ концертъ артистки Импер. театр. Л. Я. Липковской.

Въ скэтингъ же предстоитъ 24-го февраля концертъ Л. Собинова.

С. У.

Отвѣтствен. редакторы: К. А. Ковальскій и А. О. Линкъ.
Издатель А. О. Линкъ.

Открыта подписка на 1912 годъ на ежемѣсячный иллюстрир. литературный, научный, общественно-политическій журналъ

„МІРЪ“

Пятый годъ изданія.

Редакція ставитъ своей задачею знакомить читателей со всѣми новѣйшими успѣхами и теченіями въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ и общественной жизни. Къ сотрудничеству въ журналѣ „МІРЪ“ привлечены лучшія литературныя и научныя силы. Въ 1912 году всѣ подписчики журнала „МІРЪ“ получатъ 12 №№ богато иллюстрированнаго журнала „МІРЪ“ и слѣдующія капиталныя, роскошныя изданія съ многочисленными иллюстраціями. 2 большихъ тома съ атласомъ, содержащими 2000 иллюстрацій „ПРОИСХОЖДЕНІЕ И РАЗВИТІЕ ЧЕЛОВѢКА“ профессора К. Гюнтера. 4 большихъ тома съ 1980 иллюстр. и 132 таблицами „ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ВСЕМІРНАЯ ИСТОРИЯ“ отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Профессоровъ С. Видмана, П. Фишера и В. Фельтена. 3 большихъ тома съ многочисленными иллюстраціями „ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦІИ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА“ Генри-Чарльза-Ли. УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ на журналъ „Міръ“ въ 1912 году со всѣми приложеніями съ доставкой, пересылкою: На годъ—8 р.; на ½ года—4 р.; на ¼ года—2 р.; за границу — 12 р. Адресъ главной конторы и редакціи журнала „Міръ“: С.-Петербургъ, Лиговская, 47.

Издатель В. Л. Богусевскій.

Редакторъ Л. Л. Богусевскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1912 годъ

на прогрессивную общественную, политическую и литературную газету

„Уфимскій Вѣстникъ“,

выходящую ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ, въ гор. Уфѣ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой: для городскихъ: на 12 мѣсяцевъ—6 руб., на 9 мѣс.—4 р. 90 к., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 80 к., на 1 мѣс.—60 к. для иногороднихъ: на 12 мѣс.—7 руб., на 9 мѣс.—5 р. 50 к., на 6 мѣс.—4 руб., на 3 мѣс.—2 р. 20 к., на 1 мѣс.—80 коп. Подписка и объявленія принимаются. Адресъ для писемъ и телеграммъ: Уфа, „Вѣстникъ“. Адресъ редакціи и конторы: Пушкинская № 78.

Редакторъ А. Ф. Ница.

Издатель П. М. Сокуровъ.

ОТКРЫТЬ ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ на 1912 годъ, на ежедневную безпартійную газету

„Ярославскія Новости“

(2-ой годъ изданія).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на 12 мѣс. 5 р., 11 м. 4 р. 75 к., 10 м. 4 р. 50 к., 9 м. 4 р. 20 к., 8 м. 3 р. 80 к., 7 м. 3 р. 40 к., 6 м. 3 р., 5 м. 2 р. 50 к., 4 м. 2 р., 3 м. 1 р. 50 к., 2 м. 1 р., 1 м. 50 к. Цѣна отдѣльнаго номера 2 коп. Льготная подписка для лицъ духовнаго званія, военныхъ, учителей, учащихся, приказчиковъ и рабочихъ. Скидка съ годовой цѣны 20%. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа въ два срока — при подпискѣ и 1 апрѣля. Газета выходитъ ежедневно и по понедѣльникамъ, кромѣ дней, слѣдующихъ послѣ двенадцатыхъ праздниковъ. Ярославль, Духовская 120, телеф. 547 контора газеты „Ярославскія Новости“.

Редакторъ-Издатель Л. Е. Кръпишъ.

Принимается подписка на 1912 годъ на иллюстрированный журналъ

„МАЯКЪ“.

Для дѣтей старшаго и средняго возраста съ отдѣломъ для маленькихъ. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. 12 книгъ, до 1200 стр. 12 приложеній, до 500 иллюстрацій. Журналъ доступенъ по предварительной подпискѣ въ городскія училища, въ библіотеки ремесленныхъ, профессиональных и техническихъ училищъ всѣхъ типовъ и въ ротныя библіотеки 1-го и 2-го классовъ кадетскихъ корпусовъ. ПОДПИСНАЯ ПЛАТА съ пересылкой: въ годъ 4 р., за полгода 2 р. За границу—6 р. Въ Москвѣ безъ доставки на домъ 3 р. 50 к., за полгода 1 р. 75 к. Подписка принимается: 1) въ конторѣ редакціи журнала „Маякъ“: Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой пер., д. № 8, 2) въ книгоиздательствѣ „Посредникъ“ (Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ), 3) въ книжномъ магазинѣ „Посредникъ“ (Москва, Петровскія липы) и во всѣхъ другихъ книжныхъ магазинахъ и конторахъ, принимающихъ подписку на журналы.

Издатель М. В. Горбунова. Редак. И. И. Горбуновъ-Посадовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1912 г. на журналъ

„Вѣстникъ Воспитанія“

XXIII г. ИЗДАНІЯ.

Журналъ ставитъ своею ЗАДАЧЕЮ выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и проч. Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ; въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ безъ доставки—5 р., съ доставкой и пересылкой—6 р., за полгода—3 р., съ пересылкой за границу—7 р. 50 к.; для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ доставки—5 р. Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., домъ № 32), во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обихъ столицъ. Г.г. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на новый критико-библіографическій ежемѣсячный журналъ

„Новости дѣтской литературы“,

издаваемый при участіи Отдѣла Дѣтскаго Чтенія Комиссіи по организаціи домашняго чтенія при Учебн. отд. М. О. Р. Т. З. Издательствомъ при Дѣтск. Библ. М. В. Бередниковой. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой 2 р. 50 к. въ годъ. Подписной годъ начинается съ 1-го сентября. Цѣна отдѣльнаго № 25 к. Редакція и контора: Москва, Б. Кисловскій, д. 1. Контора открыта ежедневно, кромѣ праздн., отъ 11 ч. утра до 5 ч. дня. Редакція по средамъ и пятницамъ отъ 4 до 5 ч. дня. Телефонъ 315-79. Продажа журнала производится во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ, газетныхъ кіоскахъ и на ст. ж. д. Издатель: Издательст. при Дѣтск. Библіот. М. В. Бередниковой.

Редакторъ: А. И. Колмогоровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1912 годъ

на еженедѣльный журналъ искусства и сцены

„СТУДІЯ“

независимый, внѣпартійный органъ художественной мысли и критики въ сферѣ театра, музыки, живописи, ваянія и зодчества, съ иллюстраціями въ текстѣ и картинами на отдѣльных листахъ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

К. А. КОВАЛЬСКАГО и А. Э. ЛИНКЪ.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и мѣропріятія въ области искусствъ, театра и литературы. 2) Вопросы права и экономики. 3) Вопросы этики. 4) Исторія, философія, литература и статистика искусствъ и театра. 5) Фельетонъ: бесѣды на тему дня, біографіи и воспоминанія дѣятелей сцены, художниковъ, музыкантовъ и писателей, стихотворенія и пьесы. 6) За-недѣлю (хроника Московской и Петербургской жизни). 7) Голоса печати: обзоръ русской и иностранной печати. 8) Петербургскія театральныя, художественныя и музыкальныя письма. 9) Провинціальный фельетонъ, провинціальныя письма. 10) За-рубежомъ: письма изъ міровыхъ центровъ. 11) Критика критики. 12) Обмѣнъ мнѣній. 13) Народный театръ. 14) Дѣтскій и школьный театры. 15) Любительскій театръ. 16) Замѣтки режиссера. 17) Письма о балетѣ. 18) Замѣтки археолога. 19) Архитектурный отдѣлъ: отзывы о новыхъ постройкахъ. 20) Былое: памятки, некрологи, старина. 21) Новая постановки, выставки, симфоническіе концерты, концертные вечера, любительскіе спектакли, лекціи объ искусствѣ. 22) Отчеты о сѣздахъ: художественныхъ, театральныхъ, литературныхъ. 23) Свистокъ: каррикатура, сатира, пародія и юморъ. 24) Обзоръ музыкальной и художественной Москвы. 25) Библіографія. 26) Почтовый ящикъ. 27) Иллюстраціи, снимки съ картинъ, постановокъ, памятники старины, портреты дѣятелей искусства и сцены, эскизы и декораціи, шаржи, архитектурные проекты, снимки съ новыхъ зданій, автографы, музыкальныя рукописи. 28) Письма въ редакцію. 29) Объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ: Ю. Айхенвальдъ, А. С. Андреевскій, Евг. Аничковъ, К. И. Арабажинъ, Н. Архиповъ, проф. Ф. Д. Батюшковъ, А. А. Бахрушинъ, И. Билибинъ, М. М. Блюменталь-Тамарина, академ. П. Д. Боборыкинъ, гр. В. Н. Бобринская, К. Ф. Богаевскій, В. К. Божовскій, Эльза Валери (арт. Гамбург. театра), Д. Д. Варапаевъ, Л. М. Василевскій, М. Ведринская, акад. А. Н. Веселовскій, В. Вересаевъ, Ал. Н. Вознесенскій, Ал. Вознесенскій, В. Воиновъ, князь Сергѣй Волконскій, Dr. K. Hagemann (Hambourg), Аксель Галенъ, О. В. Гзовская, Сергѣй Глаголь, А. Грузинскій, Н. Грушецкій (Лейпцигъ), В. И. Денисовъ, М. Добужинскій, Dr. A. Dostmann (Berlin), Н. Евреиновъ, В. Е. Ермиловъ, А. Журиновъ, А. Л. Загаровъ, проф. О. Зѣлинскій, Б. И. Ивинскій, А. А. Измайловъ, И. Н. Игнатовъ, А. Иерифельдъ, Н. И. Иорданскій, С. Коненковъ, М. Н. Климентова-Муромцева, К. и О. Ковальскіе, П. Коганъ, П. Кожевниковъ, Ф. Ф. Коммисаржевскій, В. П. Коломійцовъ, I. Кордесъ, В. Ф. Коршъ, академ. Н. А. Котляревскій, В. П. Кранихфельдъ, Н. Д. Красовъ, С. Кусевицкій, Вл. Лебелевъ, Б. Лебелевъ (Англія), Е. А. Ленина, М. Ликиардопуло, А. Ф. Линкъ, И. Латту, Н. Лопатинъ, Н. А. Малько, П. Н. Мамонтовъ, М. Л. Мандельштамъ, С. П. Мельгуновъ, Н. Молленгауэръ, Ф. Г. Мускатблитъ, С. А. Найденовъ, М. П. Невѣдомскій, С. В. Ноаковский, Л. Никулинъ, академ. Д. Н. Овсянко-Куликовский, К. В. Орловъ, М. Орловъ, М. Осоргинъ (Италія), А. В. Оссовскій, Э. Пименова, В. М. Пичета, Г. В. Плехановъ, Т. И. Польнеръ, Н. А. Поповъ, С. Разумовскій, О. Риземайтъ, приватъ-доцентъ Н. И. Романовъ, И. Рубиновъ (Нью-Йоркъ), проф. П. Н. Сакулинъ, В. Сахновскій, И. Сацъ, А. Серафимовичъ, В. Н. Соловьевъ, М. Смирновъ, А. А. Санинъ, А. А. Стаховичъ, А. Сулержицкій, князь А. И. Сумбатовъ-Южинъ, П. П. Соболевъ, Dr. L. Feuchtvanger (München), А. Таировъ, Н. И. Тимковский, Д. И. Тихомировъ, М. Ткачуковъ, М. М. Томашевскій, Я. Тугенхольдъ, В. М. Устиновъ, В. М. Фриче, Е. Чириковъ, приватъ-доцентъ С. К. Шамбинаго, Т. Щепкина-Куперникъ, В. Шулятиковъ, А. Яблоновскій, В. Язвицкій (Болгарія), Н. Эфросъ, Эльскій.

ПЕРЕМѢНА АДРЕСА 20 КОП. Подписной годъ считается съ октября по октябрь.

Цѣна отдѣльнаго экземпляра **25** коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: СЪ ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ.

	Въ Москвѣ и С.-Петербургѣ.	Въ провинціи.	Заграницу.
на 12 мѣсяцевъ	Руб. 8.— к.	Руб. 9.— к.	Руб. 11.— к.
„ 6 „	„ 4.— „	„ 4.50 „	„ 6.50 „
„ 3 „	„ 2.— „	„ 2.25 „	„ 3.50 „

Подписка принимается: въ конторѣ журнала „Студія“, въ книжныхъ магазинахъ „Новое время“, въ магазинѣ „Россійскаго Музыкальнаго Издательства“, въ конторѣ Печковской (Петровскія лин.) и въ конторѣ типографіи П. П. Рябушинскаго, Путинковскій пер., соб. домъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ: Страстной бульваръ, д. князя Горчакова, 10 подъѣздъ, кв. № 119. Телеф. 502-19. Контора, кромѣ праздниковъ, открыта отъ 10—4 ч. дня.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ и ПОДПИСКА для С.-ПЕТЕРБУРГА: Книгоиздательство наслѣдниковъ О. Н. ПОПОВОЙ Гороховая, 51.

Цѣна объявленій: впереди текста **70** коп. строка петита.
позади текста **50** коп. „ „

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА „СТУДИЯ“: Петербургъ, Т-во изд. дѣла и кн. торговли О. Н. Поповой, Гороховая ул., 51. Кіевъ, кн. маг. Л. Издиковскаго (Крещатикъ), Харьковъ, кн. маг. артели газетчиковъ, И. Швагина (Московская, 2). Одесса, нотный маг. Г. и О. Бальцъ, Дерибасовская, 19 и книж. маг. „Одесскихъ Новостей“, Дерибасовская, 20. Саратовъ, М. П. Ткачуковъ (конт. газ. „Саратовскій Вѣстникъ“). Севастополь, кн. маг. Е. Н. Протопоповой (близъ „Сѣверн. част.“). Н.-Новгородъ, 1) кн. маг. „Книжный музей“, 2) муз. маг. „Аккордъ“ (В. Покровка, д. Кемарскаго). Кременчугъ, Н. Михновскій (Докторская ул., д. 35). Тула, кн. маг. „Весна“ (Кіевская ул.). Екатеринославъ, Бюро періодическихъ изданій А. М. Плоткинъ и Сынъ.